

10 OCTOBRE 1936

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

10 ОКТЯБРЯ 1936 г.

207

10 ЖОВТНЯ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

М. Пирог

С о д е р ж а н и е :

1. На путях к большим событиям.
2. Трагедия Казачества.
3. **Чужинец:** Попытка русских революционеров привлечь казаков на службу своим целям.
4. **Владимир Куртин:** Тою же дорогою.
5. **А. Лаврухин:** Доколе же все это будет продолжаться?
6. **И. Билий:** Казачьим националистам.
7. Думы и мысли.
8. Казачья эмиграция.
9. Что делается у начальников «русских казаков».
10. Важное свидетельство.

ВСЕХ ВОЛЬНЫХ И «НЕВОЛЬНЫХ» — ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ПАТРИОТОВ ПОЗДРАВЛЯЕМ
СО ВСЕКАЗАЧЬИМ ПРАЗДНИКОМ
ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

Почтовый ящик:

С. Америка. Н. Дж. М. Г. — Получено. Спасибо. Привет.
Крагуевац. Д. Х. Получено. Будет напечатано. Привет.
Бельгия. Н. Б. Получено. Привет.
Бельгия. Г. Р. Ответ — письмом. Привет.
Монсо. А. Ш. Получено. Спасибо. Привет.
Ницца. И. С. Получено. Спасибо. Привет.
Аргентина. И. Г. Ответ посылается. Привет.
Тулуза И. Х. Получено. Спасибо. Привет.

адресу: **Андрей Шишкин.** Автобуска станица. Кочане
Вардарска бановина, Yougoslavie.

Разыскиваю молодого казака Кубанского войска, **Ивана Митрофановича ПАНЧЕНКО** — по просьбе матери. Знающих о таковом или имеющих адрес его, прошу сообщить по следующему адресу:
P. Masuta, Contonement France 28, Colombelles (Calvados) France.

Р О З Ы С К :

Разыскиваю брата моего **Якова Петровича ШИШКИНА** ст. Урульской Лабинского от. ККВ. Прошу отозваться по

Всех казаков и казачек станицы Етеревской, Усть-Медведицкого округа, просит откликнуться **С. Лавров.**
S. Lawrow, poczta Ozdziejczyce, Pologne.

НОВЫЙ АДРЕС
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВК».
БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ В ГЕРМАНИИ

Подписную плату за журнал «ВК» направлять по адресу Г. А. Козловского:

Herrn G. Kozlowsky, Pariserstr. 52, Berlin W. 15.

Бесплатная высылка журнала в ближайшее время будет прекращена.

Т РА Г Е Д И Я К А З А Ч Е С Т А

(Очек на тему: Казачество и Россия)

ЧАСТЬ III.

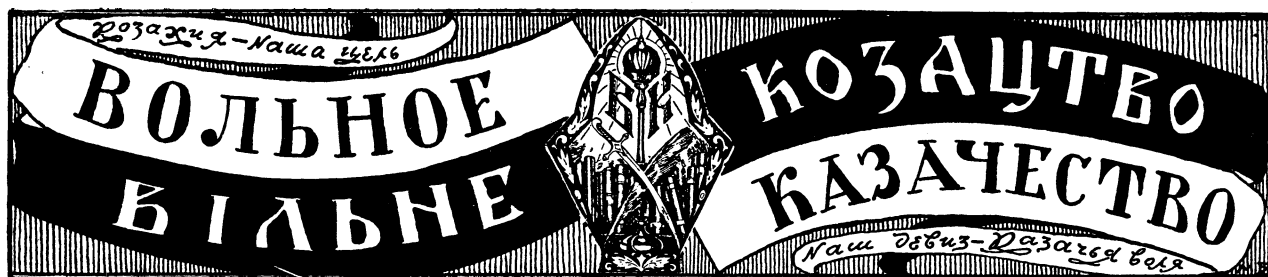
(ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1919)

ВЫШЛА ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ.

ЦЕНА во Франции — 20 франков, в Чехословакии — 30 кр., в Югославии 50 динар, в Болгарии — 100 лева, в Румынии — 100 лей, в Германии — 3 марки, в Польше — 5 злотых. В других странах — 1 америк. доллар.

Каждый вольный казак должен иметь при себе эту книгу

Братья казаки, дружной покупкой III части помогите выпустить следующую — IV часть.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 207

Суббота 10 октября 1936. — Субота 10 жовтня 1936.

№ 207

На путях к большим событиям

Мир идет к большим событиям...

Что будем делать мы, казаки? — Будем думать сами о себе или предоставим и на этот раз себя в распоряжение других? — В чье и зачем?

Мы, вольные казаки — казаки националисты, верим, что Казачество захочет или — волею событий — должно будет захотеть само подумать о себе, о своей судьбе, о своем месте под солнцем, о своем будущем.

Мы в это верим и о всем уже думаем...

Один из английских государственных деятелей так недавно характеризовал европейскую ситуацию: Страх навис над Европой... Франция стоит перед лицом трудных задач и ее раздрают внутренние волнения. Ее ближайшее будущее неясно... Испания пылает... Италия колеблется — на какую чашу европейских весов бросить ей свой вес. В восточной Европе — общее беспокойство и тревога...

Характеристика эта, хотя — с нашей точки зрения — и не полная, тем не менее в устах английского консерватора — знаменательна. Мир действительно — чуть не ежедневно — дарит нас большими событиями — политическими, социальными или экономическими. Не уменьшаются конфликты на фронтах внешних и внутренних. Народы и классы переоценивают ценности и ищут новых идей, создают новые программы или борются за старые. Сменяются борьба и ожидание, надежды и разочарование. Только немногие пока народы вышли из полосы идеологического хаоса и «нашли себя»... Но почти все государства лихорадочно вооружаются, увеличивают свои военные бюджеты и армии, устраивают большие маневры...

Чем дальше, тем более напряженной и нервной становится жизнь.

Возможна ли в настоящее время «идеологическая война» между двумя государствами или между двумя коалициями государств, т. е. война за то, чтобы один противник хотел силою навязать другому

свои идеи, свой политический или социальный государственный строй? — Вряд ли. Мы этому не верим, хотя о том и говорят теперь часто... Повторение религиозных арабских войн или крестовых походов — совершенно невероятно. Идеологические войны (революции) бывают теперь только внутренние. Но больше, чем вероятно, что *идеи* будут служить в будущем для того, чтобы поднять и одушевить массы на борьбу за те или иные государственные интересы.

Интернационалисты (идея мировой революции) до сих пор на большую войну все еще не рискнули. Даже Москва и III интернационал все еще не решились на большую и открытую войну за свои идеи и интересы.

Коммунизм — реальная угроза многим и многому в европейском мире и, тем не менее, до сих пор никто еще не попробовал серьезно организовать поход на красную Москву — только для перемены ее цвета.

Интернационализм вытесняется национализмом. Перед националистами везде стоят прежде всего свои внутренние задачи или задачи освобождения у тех народов, которые еще томятся под властью СССР.

Возможен ли интернационал националистов? — Такого пока нет, хотя он и возможен, как демонстрация солидарности, как оборонительный союз (в то время, как интернационалы социалистов и коммунистов по существу своему агрессивны).

Весьма возможно, что у некоторых народов национализм будет служить и целям империалистическим, но империализм не молеже национализма и действовал он раньше открыто, или прикрывался другими «высокими» идеями, вплоть до религии...

Не раз уже на страницах «ВК» мы говорили, что без или вне больших международных событий нам своего вопроса не решить. Больше того, чем больше и глубже те события коснутся СССР, тем скорее мы достигнем своих целей.

Это, конечно, совсем не значит, что мы можем все свои надежды возложить только на события. — Если мы снова затуманим свои цели, если сами неправильно рассчитаем, неправильно поставим диагнозы, неправильно определим свое место в событиях или неудачно будем действовать — события нам не помогут, ибо события помогают только тем, кто умеет ими пользоваться и сам действует.

Не всякие события, даже и очень интересные, интересны для нас. Мы должны уметь разбираться в окружающем и отбирать то, что нас должно действительно интересовать.

Наше отношение к тому или иному государству, наши симпатии и антипатии должны зависеть исключительно от того, какую позицию занимает оно в отношении СССР. По опыту сотрудничества в прошлом с Добармией казаки хорошо знают, что не всякие даже антибольшевики могут быть нашими хорошими союзниками.

Коммунисты, по сколько они агрессивны и являются врагами нашего вопроса, по сколько навязывают они свои идеи и программы, по сколько неразборчивы они в выборе средств своей работы» и по сколько они являются врагами всякого здорового национализма, — являются нашими противниками, на каком бы языке они ни говорили. Тем не менее, не всякий рост или крах коммунизма в какой либо стране должен непременно печаловать или радовать нас. Мы можем и должны чувствовать себя солидарными только с теми, кто чувствует себя солидарными с нами. Можем дарить своими симпатиями только тех, кто так же отвечает на наши симпатии. Каждый народ думает прежде всего о себе, — о себе в первую очередь должны думать и мы. И, что касается других народов и государств, интересоваться у них нас должны не их внутренние дела, а их отношения с нашим врагом и их отношение к нашему казачьему вопросу. А внутренние дела других интересны для нас лишь по-скольку, по-скольку хорошие внутренние дела наших друзей делают их более сильными или плохие внутренние дела наших противников их ослабляют.

В последнее время в большом газетном свете нередко ставят вопрос о неизбежной борьбе на более широком фронте между «фашизмом» и коммунизмом, между «демократией» и «фашизмом» (о широкой войне между демократией и коммунизмом что то не слышно). Но, возможна ли вообще большая и серьезная «чистая» война между «фашизмом» и «демократией» или между коммунизмом и «фашизмом»? — Такой «чистый» фронт, конечно, невозможен. Япония, напр., государство не фашистское, а СССР — не демократическое, а они вероятно будут в разных лагерях. Интересно отметить, что некоторые теперешние защитники «демократии» зачисляют в свой фронт и Сталина с Литвиновым. Это, конечно, фронт, но не демократический...

Что же делается сейчас в свете? —

— В Испании боевое счастье явно склоняется в пользу националистов. После взятия Толедо и освобождения Альказара начались бои непосредственно за Мадрид.

Генерал Франко провозглашен главою освобож-

денного испанского государства и главнокомандующим всеми вооруженными силами. В день торжества этого провозглашения он сказал испанскому народу:

«Наша родина была на краю гибели. Но варварские деяния были совершены не только испанцами, но и иностранцами, работающими на московские деньги... Мы победили. Мы спасем и возвысим отечество. Мы обеспечим свободу веры. Мы заключим торговые соглашения с иностранными государствами, но только с теми, которые не становятся поперек испанской политики... С государствами же, которые борются против нашей цивилизации, мы никаких отношений иметь не будем».

Проигрыш красных в Испании это одновременно и проигрыш Москвы в Европе. Это — ослабление советского влияния в Европе. Это — вообще некоторое ослабление международных позиций Москвы...

— Большее значение имеют вообще нюрнбергские речи вождя национал - социалистической Германии. Глава великой европейской державы открыто и подчеркнуто занял резко антибольшевистскую позицию. Пока — это слова. Но такие слова обязывают — это векселя. И эти слова сказаны и векселя выданы людьми, которые не привыкли останавливаться на полпути. Такие слова сказаны именно затем, что за ними в свое время последуют некоторые дела...

В Нюрнберге со всей решительностью и со всей страстью молодого немецкого национализма провозглашена антибольшевистская — отрицательная! — программа. Очевидно (и совершенно понятно), что положительную программу нюрнбергских речей следует искать не только в положительной программе немецкого национал - социализма, но и в интересах германского государства.

Нас, казаков, бесспорно интересует отрицательная программа (*против!*), так ярко брошенная в широкий свет в Нюрнберге. Она затрагивает не только наши чувства, но и интересы, ибо она резко направлена против нашего врага. Но нас еще больше и еще глубже интересует и будет интересовать положительная программа (*за что?*) германских противников русского и иного большевизма и коммунизма.

Мы думаем, что если дойдет когда до открытого столкновения двух постепенно встающих против себя миров, то гораздо более вероятно, что не дойдет до столкновения только Германия — СССР, а произойдет столкновение двух коалиций. (Возможны, конечно, еще два случая: один — Германия против советской коалиции, другой — СССР против коалиции. Первый случай менее вероятен, второй более вероятен).

Какие бы цели ставили в будущей войне противники СССР, *за что* бы они воевали?

Какие *могут быть* цели такой войны (независимо от того, кто ее начнет)?

Несомненно, что в такой будущей борьбе *идеи* будут играть весьма большую роль. Но нас интересует и будет интересовать только один вопрос:

По-скольку положительная, конструктивная программа будущей анти-советско - российской

коалиции будет совпадать с положительной, конструктивной программой нашей, — казачьей и других народов, борющихся за свое освобождение?

По нашему глубокому убеждению, ответ на этот вопрос и решит судьбу будущей войны.

Весьма мало вероятно, чтобы антибольшевистская или антисоветская коалиция воевала против московского большевизма или советизма или просто защищала сама себя от них и ставила себе задачей вместо одной единой — неделимой помочь созданию единой — неделимой какого либо иного цвета.

Не было бы логики и в поведении анти-СССР-ой коалиции, если бы она выступила против национальных стремлений народов, не мирящихся сейчас с властью над собою СССР. Будет логика и успех, если коалиция поддержит национальные стремления к самостоятельности Казачества и других народов теперешнего СССР.

— Весьма важным и существенным является заявление английского министра иностранных дел Идена в Женеве о необходимости отделения статута (ковенанта) Лиги Наций от Версальского договора и о том, что Англия на будущее могла бы связать себя договорами только в Западной Европе. По существу это значит, что Англия за долю большевиков воевать не будет. Кроме того, давно уже известно, что она не совсем одобрительно отнеслась к франко-советскому пакту.

В некоторых европейских столицах заявления Идена поняты как предложение к пересмотру мирных договоров, как уступку Германии и Венгрии.

— В 1935 году, в противовес растущей силе Германии, создан блок франко-советский. Казалось, что в Европе наступило некоторое равновесие сил. Но это только казалось. Ставка на Москву не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Уже после подписания франко-советского пакта, в двух западно-европейских державах — Испании и Франции — пришли к власти левые «народные фронты». Это окрылило Москву новыми надеждами и усилило в Европе работу ее III интернационала... — В Испании началась гражданская война. Франция стоит сейчас перед большими внутренними затруднениями, а во внешнем мире заметно некоторое недоверие в ее мощь теперь даже у ее союзников.

Союзники Москвы переживают тоже «разочарование»: они хотели бы союза с советским государством, но не хотели бы иметь своим союзником III интернационал... — Коллизия в данном случае неразрешимая, а прежние «расчеты», как оказалось, бы-

ли не только «нерасчетливыми», но для некоторых государственных деятелей и непонятно наивными.

Интересно, что сейчас наблюдается легкое охлаждение к Москве даже со стороны правительства «народного фронта» Франции.

Не удивительно, поэтому, что и в Чехословакии не все довольны своим союзником и уже начались споры о целесообразности или нецелесообразности, выгоды или невыгоды союза с Москвою. А в Румынии изменение внешней политики в сторону «от Москвы» уже произошло...

— В Москве недовольны. Не говорим уже о больше чем недовольстве Нюрнбергскими речами... Но, недовольны Францией за то, что она, во исполнение условий франко-советского пакта, не спешит начинать переговоров о конкретном сотрудничестве генеральных штабов обоих государств... Недовольны Англией за то, что та не выражает желания подписывать «восточные» пакты и не хочет гарантировать безопасность советам... Недовольны тем, что новая «локарнская» конференция может собраться (если вообще соберется) — без их участия... Недовольны своими неудачами в Испании...

«Сердитый» тов. Литвинов говорил 28 сентября в Женеве: «Мы знаем и чувствуем, что *зловещий ход событий ведет к конфликту* такого кровавого характера, что воображение не может охватить всех его последствий. Всем известно, какие именно существуют опасные (для кого? *Ред.*) государства... Существуют также страны, надеющиеся найти спасение в нейтралитете... Если они забыли уроки прошлого, забыли о том, что нейтралитет подвергался и нарушениям, это их дело... К сожалению, они уже теперь ставят свой нейтралитет на службу нападающей стороны... Рядом с этими мнимо-нейтральными странами есть другие государства — и среди них очень могущественные, — которые видят, что на Европу надвигается гроза, что опасность (для кого? *Ред.*) неминуема, что надо защищаться сообща. Но, к нашему сожалению, они дальше деклараций не идут»...

И тов. Литвинов настаивает, чтобы Лига Наций «организовала по настоящему взаимную помощь и коллективное сопротивление»...

— Не знаем, будет ли Лига Наций организовывать помощь и защиту СССР, как того хотел бы т. Литвинов (на свои силы, очевидно, не надеется, хотя тов. Ворошилов и «гремит славу трубой»...). Знаем только, что сама Лига Наций давно уже обратилась в беспомощную говорильню. А так как Л. Н. для нас ничего хорошего не сделала, то у нас нет никаких причин желать ей чего нибудь хорошего.

Лига Наций разочаровала уже многих. Даст

НОВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ МОСКВЫ.

По мере того, как выясняются неудачи левых в Испании, растет тревога у сторонников испанских коммунистов в Европе и, особенно, в СССР. Сов. правительство уже заявило, что если Португалия, Италия и Германия не прекратят оказывать помощь испанским националистам, то оно откажется от политики нейтралитета и возвратит себе в этом вопросе свободу действий.

Новый жест Советов встречен в Лондоне с некоторым беспокойством.

В Берлине советское выступление считают за признание Москвою проигрыша дела коммунистов в Испании и желание помочь в этом деле III-му интернационалу открыто.

Испанские националисты продолжают окружение Мадрида.

Бог, разочарует она и товарищей — Сталина, Литвинова, Ворошилова и иже с ними...

Мы говорили уже — и не раз, что, в связи со всем тем, что делается сейчас в «большом международном свете», особенно в связи с теми событиями — или только проектами! — международной политики, которые так или иначе касаются и большевистского царства, — в связи со всем этим, у многих казаков в последнее время взоры боращаются в сторону «внешнего мира», возрос интерес к международным событиям, рождаются во многих казачьих головах особые надежды на свою, а иногда и не на свою «внешнюю политику». И, что интересно, надежды на «внешнюю политику» возлагают не только самостийники или им сочувствующие, но, в одинаковой мере, и не самостийники.

В какой же мере и когда международные события и казачья «внешняя политика» могут оправдать наши ожидания? При каких условиях и в какой обстановке Казачество может вообще вести внешнюю политику и возлагать на нее свои надежды?

Раньше, чем думать о внешней политике, раньше, чем строить на нее те или иные свои расчеты, надо решить казакам один основной вопрос — вопрос о самостийности, но решить ясно и определенно — без всяких оговорок. Если Казачество станет на путь самостийности, — можно говорить о внешней политике, можно связывать с ней и свои надежды. Если Казачество отвергнет самостийность, упадут и все расчеты на внешнюю политику. *С не самостийниками или самостийниками «впредь до» никто разговаривать не будет.*

Вторым вопросом надо решить, будут ли казаки строить несколько казачьих республик или они об'единятся и будут строить одну Великую Казачью Республику, одно об'единенное казачье государство — Казакцию... *—Внешний мир с казачеством раз'единенным говорить не будет. Только об'единенное Казачество может рассчитывать на то, что внешний мир будет считаться с его интересами. Только об'единенное Казачество может рассчитывать на помощь внешнего мира в борьбе со своими поработителями.*

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть IV.

(Январь — май 1920).

Глава I.

Основные причины возникновения войны в 1917 - 1920 годах на территории бывшей Российской Империи. Провал организованного русского «белого» движения и успехи «красной» России в 1919 г. Оценка положения к началу 1920 г., сделанная русскими «красными» и русскими «белыми».

Русские историки говорят, что земли по р. Оке и по верхнему течению р. Волг, где теперь компактно массою живут Великороссы, в конце XI столетия были глухим и мало заселенным краем, в лесах которого мелкими поселками жили финские племена. Вот на этих землях, из смещения славянских колонизаторов (пришедших с юга и запада) с финнами, выросло Велико-русское племя. Это смещение славянских пришельцев с финскими туземцами не прошло бесследно для славян: «они восприняли некоторые физические и духовные черты того племени, с которым роднились на новых местах; изменился их чисто славянский тип и характер; получилось как бы новое славянское племя» — Велико-русское (Академик Платонов. Учебник русской истории, стр. 72).

В XIII - XV веках Великороссы, под руководством московских князей, организовали Московское государство, которое уже в XVI столетии, перешло к завоеванию земель соседних народов (захват всего Поволжья с городами Казанью и Астраханью; захват, при помощи казаков, Сибирского царства; войны за обладание берегами Балтийского моря и т. д.).

Во второй половине того же XVI столетия Московия столкнулась с Польско - Литовским государством.

Почти все XVII столетие заполнено упорнейшей борьбой между поляками и русскими за преобладание на восточно - европейской равнине.

В начале XVII стол. царь и преобразователь Московии — Петр I одновременно воевал на Землях Казаков, Украины и Прибалтийских народов.

К концу XVIII столетия Россия присоединила к великорусским землям значительную часть берегов Бал-

тийского моря, Белоруссию, Литву, большую часть земель польских (остальную часть получили немцы и австрийцы), Украину, Казачьи Земли и вступила в борьбу с Кавказскими народами.

В XIX стол., как известно, Россия захватила Финляндию, Бессарабию, выдержала борьбу с Наполеоном I, предпринимала неоднократные походы против Турции через р. Дунай и Балканские горы, захватила весь Кавказ, успешно воевала против Персии, захватила широкие просторы земель народов Средней Азии, проникла в Монголию и захватила Манчжурию..

С конца XIX стол. русское правительство поставило на порядок дня разрешение таких вопросов, как о выходе России к незамерзающим портам Атлантического океана (на севере), о выходе в Средиземное море посредством захвата проливов Босфора и Дарданелл, о выходе через Персию к портам Индийского океана..

В России все было подчинено интересам обширного государства. Разносторонняя работа классов и сословий русского народа, хозяйственная и культурная деятельность завоеванных Россией народов были направлены на служение России; православная церковь с ее возглавлением святейшим правительствующим Синодом, великорусская школа, царская армия, система налогов и податей, вся финансовая политика, внутренняя и внешняя торговля, железнодорожное строительство — все должно было служить интересам России, раскинувшейся на одной шестой части всей суши земного шара. На всем лежал отпечаток централизации и бюрократизма.

Многонациональный состав населения России нало-жил свою печать на состав всех классов и сословий го-

сударства, на состав краевых и общегосударственных работников на поле экономики, культуры, политики, организации вооруженных сил империи и т. д. Российская интеллигенция, хотя по своему происхождению в известной части и принадлежала к различным национальностям, но, пройдя через русскую школу, вступив на службу русскому государству, оторвалась от своих национальных корней, национально обезличилась. Это явление наблюдалось среди чиновничества всех ведомств, учительства, офицерства, врачей, адвокатов, инженеров, городских и земских служащих, кооперативных, банковских и иных работников.

Так как экономические интересы земледельцев, рабочих, помещиков, купцов различных национальностей бывшей России в значительной мере совпадали; так как особенно угнетенным классам всех национальностей — рабочим и хлеборобам — приходилось вести долгую и упорную борьбу за улучшение своего тяжелого положения, за свои элементарные права; так как господствующие классы всех национальностей, защищая свои преимущества и господствующее положение, вели борьбу за это сообща; так как все «прогрессивные» и, особенно, социалистические элементы населения всех национальностей объединялись в борьбе за свои интересы, а все защитники царского строя сходились на признании необходимости его сохранения, — естественно, что попутно, с развитием экономической и политической жизни государства, в России организовывались, «интернациональные» по своему персональному составу, российские политические партии: социалисты — революционеры, социал — демократы, конституционно — демократы, октябристы, монархисты и т. д.

Публичная и подпольная, устная и печатная политическая партийная пропаганда русских партий долгие годы вела подготовку масс населения к переустройству России, по мнению одних, в демократическую республику на автономных (соц. — демокр.) или, максимум, федеративных (соц. — револ.) началах или же в конституционную монархию (конст. — демократы). Известно, что все правые партии стояли за сохранение существовавшего в России государственного строя.

Общероссийские партии, впитав в себя значительную часть интеллигенции различных национальностей бывшей Империи, стремились к сохранению России в тех границах, до которых она выросла во времена правления ею дома Романовых. Многолетняя работа этих партий воспитала кадры сторонников за то или иное политическое, хозяйственное или социальное переустройство России.

Рядом с расширением пределов России путем завоевания соседних территорий не-русских народов, одновременно с стремлением России закрепить эти народы в своем владении на «вечные времена», шел, как известно, и другой процесс — процесс борьбы народов за свою свободу.

У более национально развитых народов организовались свои, отдельные от общерусских, национальные политические партии.

Начало XX столетия в истории России ознаменовалось неудачами, как на внешнем, так и на внутреннем фронте борьбы: в результате проигранной войны с Японией, Россия принуждена была начать отступление на Востоке, уступив Японии южную часть Манчжурии и часть о. Сахалина; революция 1905 г. принудила царское правительство к известным уступкам в вопросе о политическом устройстве России, а также и в национальном вопросе.

Сопровождавшееся большими неудачами на фронте участие России в мировой войне 1914 — 1918 г. г., глубокие внутренние противоречия в жизни государства, остро наболевший неразрешенный национальный вопрос — привели вновь к открытому столкновению борющихся сил. В 1917 г. русская монархия пала. Совершилось то, подготовка к чему шла десятилетиями.

С падением русской монархии, в том же году к власти пришла коалиция обеих социалистических (соц. — рев. и соц. — демокр.) и конституционно — демократической партии, все усилия приложивших к тому, чтобы, давая России новое политическое, хозяйственное и социальное устройство, соглашаясь на предоставление автономии всего двум — трем народам, не дать ее осталь-

ным национальностям и таким образом сохранить за великороссами преобладающее положение во всем государстве по-прежнему.

Приход к власти в России большевистской партии осенью 1917 г. и ее быстрые успехи на территории Великороссии сопровождался немедленным отобранием земель у помещиков и передачей их в распоряжение крестьян, отобранием фабрик, заводов и банков от их прежних владельцев и передачей их в руки большевистского государства...

Естественно, что те слои населения России, материальным, политическим и моральным интересам коих революционная, крайне жестокая политика новой власти наносила удар, не могли примириться с существованием такой власти. Это обстоятельство и было основной причиной возникновения «белого» русского движения, руководителями которого были адмирал Колчак на Востоке, ген. Деникина на Юге, ген. Юденича на Северо — Западе и ген. Миллер на Севере.

В виду того, что подавляющее большинство многомиллионного русского народа пошло за большевистской властью, русские противники этой власти принуждены были искать поддержки на «окраинах» быв. России. А так как вдохновителями и организаторами «белого» движения были русские люди, с детства усвоившие мысль о «праве» России на владение завоеванными ею народами; так как, борясь против большевистской власти, русские «белые» продолжали политику царской России в отношении «инородцев», «белое» движение, понятно, вступило в борьбу и с освободительными движениями этих народов, некоторые из которых к тому времени уже провозгласили свою самостоятельность.

Руководители русского противобольшевистского движения не признавали национальных республик, делали все для того, чтобы помешать признанию этих республик со стороны Англии, Франции, Италии и т. д., а, где было возможно, «белые» вступали и в открытую борьбу против освобождающихся невольников России.

И большевики, являясь носителями и выразителями желаний и стремлений большинства русского народа (Великороссии), продолжали старую захватническую политику России.

Большевистское правительство не отказывалось от завоеваний, сделанных Россией в течение прошлых столетий, а стремившиеся к освобождению народы не могли отказаться от борьбы за свою национальную свободу.

Русские «белые» союзники Казаков, как на Юге, так и на Востоке, приложили много усилий к тому, чтобы затемнить головы казакам, чтобы закрыть для них истинный смысл происходящей борьбы. Русские старались доказать казакам, что русский народ будто бы против большевистской власти, что большевизм — явление чуждое русскому народу. При этом призывали казаков к благородному, рыцарскому шагу: помочь «русскому народу освободиться от большевистского ига»...

Когда же «белое» движение к концу 1919 г. потерпело крушение, когда истинное положение вещей уже трудно было закрыть фальшивыми фразами, тогда некоторые русские из «белого» стана, иногда, даже публично, говорили правду о русском большевизме. Для примера сошлемся на передовую статью в официальном органе правительства ген. Деникина — «Великая Россия» 12 января 1920 г. Там читаем: ... «Борьба с большевизмом снова приобретает затяжной и длительный характер. И с особенной настойчивостью в настоящий момент встает мысль, что большевизм не есть случайный и кратковременный эпизод русской истории, но глубокий и стихийный процесс, подобие затяжной, хронической болезни. Болезнь эта была подготовлена всей предшествующей нашей историей, нищетой и некультурностью масс и роковыми заблуждениями нашей интеллигенции... Столетиями подготовлялся большевизм в наших низах, десятилетиями вырабатывалась его идеология»...

Если бы Казачество во-время усвоило эту истину, оно не пошло бы с теми, кто тянул его на «московскую дорогу», оно организовало бы борьбу только ради защиты своих земель.

Сущность происходивших тогда событий понимали

новые вожди русского народа, находившиеся в постоянном и непосредственном с ним общении в Великороссии. А суть кровавых событий была проста: а) русские рабочие и крестьяне сбросили с себя царскую власть и ввели власть советскую; одновременно с тем, в руки крестьян перешли помещичьи земли, а в руки рабочих — фабрики и заводы; б) русский народ вел войны за удержание в своих руках тех народов, которые были завоеваны Россией во времена царей и императоров; в) новая, большевистская Россия успешно разбивала «белые» армии Колчака, Деникина, Юденича и Миллера.

Один из таких вождей, И. Сталин, в декабре 1919 г. в московской газете «Правда» опубликовал следующее:

«Каковы причины поражения контр-революции и прежде всего Деникина?», — спрашивал Сталин и отвечал: а) **«непрочность тыла контр-революционных войск.** Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла, ну, а тыл Деникина (а также Колчака) совершенно неустойчив. Этот факт непрочности тыла контр-революционных войск объясняется социальным характером правительства Деникина — Колчака, создавшего эти войска. Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо англо-французского капитала, победа Деникина — Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина — Колчака есть самое антинародное, самое антинациональное правительство. В этом смысле советское правительство есть единственное народное и единственно национальное, в лучшем смысле этого слова, правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России из колонии в самостоятельную свободную страну».

Отмечая причины поражения антибольшевистских армий, Сталин далее писал: «б) **окраинное положение контр-революции.** Еще в начале октябрьского переворота намечилось некоторое географическое размежевание между революцией и контр-революцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контр-революции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции».

Окраины же России, главным образом, южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков — колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, бакир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны, — превратились в базу контр-революции.

Разве не ясно, что никакого другого «географического распределения» и не могло быть. Но это обстоятельство имело своим последствием целый ряд роковых неизбежных минусов для контр-революции и столько же неизбежных плюсов для революции.

Для успеха войск, действующих в эпоху ожесточенной гражданской войны, абсолютно необходимо единство, спаянность той живой людской среды, элементами которой питаются и соками которой поддерживают себя эти войска, причем единство это может быть национальным (особенно в начале гражданской войны), или классовым (особенно при развитии гражданской войны). Без такого единства немыслимы длительные военные успехи. Но в том то и дело, что окраины России (восточная и южная) не представляют и не могут представлять для войск Деникина и Колчака ни в национальном, ни в классовом отношении даже того минимума единства живой среды, без которого (как я говорил выше) невозможна серьезная победа. Разве не ясно, что войска, составленные из таких разнородных элементов, неминуемо должны распасться при первом серьезном ударе со стороны советских армий..

В противоположность окраинам, внутренняя Рос-

сия открывает совершенно иную картину. Во-первых, в национальном отношении она едина и спаяна, ибо девять десятых ее населения состоит из великороссов. Во-вторых, достижение классового единства живой среды, питающей фронт и непосредственный тыл советских войск, облегчается наличием в ней популярного среди крестьянства петроградско-московского пролетариата, тесно спланивающего его вокруг советского правительства.

Здесь же следует искать объяснения того, непонятного для просвещенных шаманов Антанты, факта, что «контр-революционные войска, дойдя до известных пределов (до пределов внутренней России) неминуемо терпят катастрофу»... (газета «Правда», 15/28 декабря 1919 года).

Действительно, всю осень и в начале зимы 1919 г. советские войска почти безостановочно гнали перед собою войска «Правителя России адмирала Колчака» и заняли: 16 октября г. Петропавловск, 1 ноября — г. Омск, 9 декабря — г. Томск. «В конце декабря 1919 г. армии Колчака, добываемые партизанами, охваченные процессом внутреннего стихийного распада, фактически перестали существовать, как боевая сила, что ставило на очередь вопрос о полной ликвидации нашего (большевистского) восточного фронта. Развал Колчаковского фронта открыл нам (большевикам) путь еще в сентябре 1919 г. на соединение с Туркестаном, что весьма содействовало усилению и повышению авторитета советской власти в странах востока; первое посольство, которое увидела в своих стенах Москва, после долгого перерыва, было афганское посольство», — говорит Н. Какурин (Русско-польская кампания 1918 - 20 г., г. стр. 16 - 24).

Северный фронт был пассивный.

Северо-западная армия ген. Юденича была отброшена советскими войсками на территорию Эстонии и там 21 декабря 1919 г. была разоружена и интернирована.

Южный фронт откатился к Перекопскому перешейку и к нижнему течению р. Дона.

О состоянии тыла Южного фронта бывший главнокомандующий ген. Деникин говорит следующее:

... «Дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха»...

... «Не только в «народе», но и в «обществе» находили легкий сбыт расхищаемые запасы обмундирования Новороссийской базы и армейских складов. Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий»...

... «Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными; целые корпорации страдали этим недугом»...

... «В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые, очертя голову, бросалось и офицерство, приежавшее с фронта».

— Жизни — грош цена! Хоть день, да мой!

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу и отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой... (Деникин. Очерки русской смуты, т. V, стр. 273-275).

«Все, что создавалось с затратой таких колоссальных усилий — совершенно неожиданно распалось во все стороны. Это был позорный провал системы, недостатки которой вдруг выявились с ужасающей рельефностью. Было поздно исправлять ошибки», — говорит один из русских журналистов (Г. Н. Раковский. В стане белых, стр. 51).

Один из самых заносчивых, больших высокомерием и самомнением, вождей «белого» движения — ген. Врангель еще в декабре 1919 г., на станции Ясиноватой, в беседе с командующим Донской армией генералом Сидориним высказывал убеждение в том, что «война с большевиками окончательно проиграна, что драться с ними дальше не возможно и что нужно заняться подготовкой заключения мира с большевиками, спасения тех, кто не мог у них остаться» (там же, стр. 45-46).

«Белые» претендуют на государственную власть в России, все те, кто так усердно в течение двух лет сбивал казаков с казачьей дороги, кто подталкивал их на «московскую» дорогу, кто старательно мешал казакам поставить борьбу на правильные свои рельсы, кто выскомерно, не брезгая никакими средствами, боролся против казачьей самостоятельности, кто портил казакам дипломатическую дорогу к Союзникам, кто погубил казачье освободительное движение, к концу 1919 года скопились в г. Новороссийске.

«В начале января 1920 г. Новороссийск являл собою зрелище необыкновенное», — рассказывает правая рука Деникина — К. Н. Соколов. «Город, до краев переполненный эвакуированными учреждениями и беженцами, изобилуял всевозможными властями и страдал больше всего от безвластия. На голову местному начальству свалилось ростовское начальство, и получился невообразимый переплет инстанций и полномочий, высших и низших, военных и гражданских. Все это распорядилось, писало приказы, угрожало, и окончательно потерявший голову обыватель не знал, что ему делать — регистрироваться, отправляться на окопные

работы, мобилизоваться или эвакуироваться дальше»... (Правление ген. Деникина, стр. 238).

О том же ген. Врангель пишет: «Я прибыл в Новороссийск 29 декабря. Город в эти дни, донельзя забитый многочисленными эвакуированными учреждениями, переполненный огромным количеством беженцев, представлял жуткую картину. Бесперывно дул обычный в эту пору ледяной норд-ост. В нетопленных домах ютились среди жалких спасенных пожитков напуганные, лишившиеся своего имущества, выбитые из колеи беженцы. Свиристствовал тиф, ежедневно унося сотни жертв. На забитой эшелонами станции стояло большое число санитарных поездов; больных и раненых не успевали разгружать. Благодаря спешной эвакуации в условиях крайне тяжелых, смертность среди больных чрезвычайно возросла. Приходившие санитарные поезда привозили десятки мертвецов. Их на вокзале выносили из вагонов, складывали на телеги и, кое-как прикрыв рогожей или брезентом, везли по городу. Из под покрывки торчали очоленевшие руки, ноги, виднелись оскаленные лица мертвецов». (Записки, т. I, стр. 283).

Глава II.

Внешняя и внутренняя обстановка Юго - Восточного Казачества к началу 1920 г. Подготовка разрыва Казачества с «белым» движением. Пребывание Донской казачьей армии и Терских частей в русских руках. Стремление русских генералов к захвату в свои руки военных сил Кубани. Желание русских держать в своих руках государственную власть на Казачьих Землях. Принятие генералом Деникиным предложения представителя Англии Мак-Киндера об отношении «к существующим окраинным правительствам».

К началу 1920 г. вся территория казачьего Дона была занята советскими войсками: 1-я Конная армия Буденного, VIII-я, IX-я, X-я и XI-я советские армии занимали фронт от устья р. Дона вверх по правому берегу этой реки до района станицы Каргальской, и далее фронт проходил на юго - восток до Каспийского моря (район Черного Рынка), имея задачей в ближайшее время захватить земли Кубани, Ставропольской губ. и Терека.

Массы беженцев с Дона хлынули на Кубань.

Наступили грозные часы для Юго - Восточного Казачества!

В это время Казачество не имело объединенной казачьей власти: существовали атаманы и правительства Дона, Кубани и Терека; было три казачьих парламента — Донской, Кубанский и Терский.

Казачьи вооруженные силы не были объединены единым КАЗАЧЬИМ командованием.

Не было ясно поставленной своей конечной цели тяжелой войны, которую с великим жертвами вело Казачество уже третий год.

Хотя в ноябре 1919 г. русские генералы во главе с Деникиным произвели вооруженный переворот на Кубани (Трагедия Казачества, ч. 3, стр. 455-603) и этим злодеянием окончательно выявили свое антиказачье лицо, несмотря на это, продолжала работать Южно - русская конференция, состоявшая из представителей Дона, Кубани и Терека и представителей ген. Деникина.

Однако, ноябрьские и декабрьские события на фронте и в тылу заставили казаков более внимательно задуматься над своим вопросом и внимательным взором поискать основную причину надвигающейся на казаков страшной катастрофы.

Даже некоторые горячие сторонники ген. Деникина среди казаков, очевидно, начали понимать то, куда ведет Казачество его союз с русским «белым» движением. 16-го декабря 1919 г. председатель деникинского Особого Совещания (правительства) ген. Лукомский писал ген. Деникину следующее: «Сговориться с казаками теперь будет трудно. Вчера мне Харламов (председатель Донского Круга) сказал: «Не скрою от Вас, что настроение среди членов конференции несколько изменилось и некоторые говорят так: когда Добармия занимала Орел, то с нами не церемонились и говорили очень твердым языком; теперь пора и нам заговорить другим языком». (Деникин. Очерки рус. смуты, стр. 285).

Тем не менее, руководители «белого» движения и теперь продолжали свою старую линию в отношении Казачества.

Донская казачья армия находилась в надежных руках сторонников ген. Деникина — Донского Атамана ген. Богаевского, ген. Сидорина и ген. Кельчевского. Когда Добровольческая армия за время ее отступления от гор. Орла в Донецкий бассейн так численно ослабела, что уже не могла называться армией, 20 декабря 1919 г. Деникин переименовал ее в Добровольческий корпус и этот Корпус подчинил командующему Дон. армией ген. Сидорину. Этот факт, без сомнения, говорит о том, что командующий Донской армией пользовался полным доверием со стороны руководителей «белого» движения.

Терские вооруженные силы были в руках испытанного сторонника ген. Деникина — Терского Атамана ген. Вдовенко и главноначальствующего Терско - Дагестанского края ген. Эрдели.

Сторонник Деникина — Кубанский Войсковой Атаман ген. Успенский, избранный на этот пост после ноябрьского переворота на Кубани, умер 17 декабря 1919 года. Неизвестно было, кого именно изберет Кубанская Рада новым Атаманом. Также наперед трудно было сказать, какого состава Кубанское Правительство будет назначено новым Атаманом.

Чтобы предупредить события, ген. Деникин в декабре 1919 г. послал на Кубань своего верного сторонника — ген. А. Шкуро. «Последний, прибыв из Ставки, объявил по приказанию Главнокомандующего «спокох», объезжал станицы, собирал станичные сборы. При генерале Шкуро состояли, командированный в его распоряжение.. генерального штаба полковник Гонтарев, несколько адъютантов и ординарцев» (Врангель. Записки, т. I, стр. 277).

Ген. Шкуро был ярким противником казачьих самостоятельных и горячим поклонником ген. Деникина. Еще осенью 1918 г. Шкуро носился с мыслью о необходимости переворота на Кубани с целью введения там порядков, угодных руководителям Добровольческой армии (Трагедия Казачества, ч. I, стр. 215-218; Деникин, Очерки, т. IV, стр. 42-53; Врангель, Записки, т. I, стр. 99-100).

Поэтому, не могло быть сомнения в том, какой «спокох» на Кубани поднимал ген. Шкуро.

Однако, ген. Деникин не ограничился посылкой на

Кубань только этого генерала в тот день, когда Деникин издал приказ о сведении добровольческих частей в Корпус — 20 декабря 1920 г., он, Деникин, послал на Кубань и на Терек еще и ген. Врангеля с целью объявить «сплох» на Кубани и на Тереке и спешно формировать там казачью конницу.

Известно, что ген. Врангель был одним из организаторов и непосредственных руководителей ноябрьского переворота на Кубани (Трагедия Казачества, ч. III, стр. 455 - 603). Несмотря на это, Деникин послал именно его, повесившего А. И. Кулабухова, поднимать «сплох».

Ген. Врангель прибыл в Екатеринодар 22 декабря и, вместе с другим организатором ноябрьского переворота — ген. В. Г. Науменком, приступил к работе.

«Разработанный Войсковым Штабом мобилизационный план я полностью одобрил, внося лишь несущественные поправки», повествует Врангель. «По расчетам Штаба, Кубань могла в течение шести недель выставить до 20 тысяч конницы, намечалось формирование трех корпусов. Казаками Ейского и Таманского отделов должны быть укомплектованы полки корпуса Топоркова. Ген. Науменко должен был собрать казаков линейцев и лабинцев. Ген. Шкуро — казаков Баталпашинского отдела. Мы наметили и обсудили совместно главнейшие вопросы, дальнейшая работа должна была вестись на местах. Вечером я (Врангель) выехал в Пятигорск, где, совместно с ген. Эрдели, Войсковым Атаманом ген. Вдовенко и начальником терской дивизии ген. Агоевым, также разработал меры по укомплектованию терских частей» (Записки, т. 1, стр. 278).

Изучив положение дел на Кубани и на Тереке, ген. Врангель 25 декабря 1919 г. подал ген. Деникину рапорт, в котором говорил следующее:

«В связи с последними нашими неудачами на фронте и приближением врага к пределам Казачьим Земель, среди Казачества ярко обозначилось, с одной стороны, **недоверие к высшему командованию**, с другой — **СТРЕМЛЕНИЕ К ОБОСОБЛЕННОСТИ. ВНОВЬ ВЫДВИНУТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОЗДАНИИ ОБЩЕКАЗАЧЬЕЙ ВЛАСТИ, ОПИРАЮЩЕЙСЯ НА КАЗАЧЬЮ АРМИЮ.** За главным командованием проектом признается право лишь общего руководства военными операциями, во всех же вопросах, как внутренней, так и внешней политики, **общеказачья власть должна быть вполне самостоятельной.** Собирающаяся 2-го января в Екатеринодаре Казачья Дума должна окончательно разрешить этот вопрос, пока рассмотренный лишь особой комиссией из представителей Дона, Кубани и Терека. Работы комиссии уже закончены и соглашение по всем подробностям достигнуто. Каково будет решение Думы, покажет будущее. Терек, в связи с горским вопросом, надо думать, займет положение обособленное от прочих Войск. Отношение Дона мне неизвестно, но есть основание думать, что он будет единодушен с Кубанью. Последняя же, учитывая свое настоящее значение, как последнего резерва Вооруженных сил Юга России, ... — **стала на непримиримую точку зрения.**... Есть основание думать, что англичане сочувствуют созданию **общеказачьей власти**, видя в этом возможность разрешения грузинского и азербейджанского вопросов, в которых мы до сего времени занимали непримиримую позицию.

На почве вопроса о новой власти агитация в тылу наших вооруженных сил чрезвычайно усилилась. Необходимо опередить события и учесть создавшееся положение, дабы принять незамедлительно определенное решение.

С своей стороны, зная хорошо настроение казаков, считаю, что в настоящее время продолжение борьбы для нас возможно, лишь опираясь на коренные русские силы. **Расчитывать на продолжение казаками борьбы и участие их в продвижении вторично вглубь России нельзя.** Борьбаться под знаменем «Велкая, Единая и Неделимая Россия» — **ОНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДУТ** и единственным знамя, которое, быть может, еще соберет их вокруг себя, может быть лишь борьба за «Права и вольности Казачества» и эта борьба ограничится, в лучшем случае, очищением от врага казачьих земель.

При этих условиях главный очаг борьбы должен быть перенесен на Запад... В связи с изложенным, казалось бы необходимым принять меры к удержанию юга

Новороссии, перенесению главной базы из Новороссийска в Одессу»... (Записки, т. 1, стр. 280-281).

Этот документ признает без оговорок тот важный факт, что Казачество может вести борьбу дальше лишь за право и вольности Казачества. Убедившись в этом, ген. Врангель 26 декабря «решительно отказался командовать Кубанцами» (там же).

Все же русские генералы решили всеми силами и мерами воспротивиться осуществлению всеобщего желания Казачества «**создать общеказачью власть, опирающуюся на казачью армию**», при условии, что «англичане сочувствуют созданию общеказачьей власти», а значит могут дать казакам свою материальную и моральную поддержку.

Важно здесь отметить и другое указание Врангеля, а именно: «...Начальник Штаба Английской миссии (при генерале Деникине), ведающий дипломатической частью, генерал Кийз находился как раз на Кубани и, надо думать, не без указаний из Лондона, ... усиленно за последнее время заигрывал с кубанскими самостийниками» (там же, стр. 277).

В целях недопущения проведения в жизнь реально наметившейся организации Казачьего государства русские генералы предприняли целый ряд шагов.

Уже в день отказа ген. Врангеля от «командования кубанцами» — 26 декабря 1919 г. — на станции Батайск состоялось тайное совещание в составе следующих лиц: Донского Атамана ген. Богаевского, ген. Врангеля, ген. Покровского, председателя Донского Круга В. Харламова.

Столица Дона — гор. Новочеркасск — уже была оставлена казаками. Добровольцы и казаки спешно переходили на южный берег реки Дона, оставляя гор. Ростов советским войскам...

Естественно, на этом совещании остро стал вопрос; а что же дальше? Что делать, чтобы избежать законного возмездия со стороны Кубанцев за ноябрьский переворот на Кубани, произведенный Деникиным, Покровским, Врангелем, Науменко и другими, при сочувствии и поддержке со стороны Донского Атамана и председателя Донского Войскового Круга В. Харламова?..

Нависшая над головами переворотчиков опасность диктовала им необходимость сообща обсудить и принять меры противодействия надвигающейся угрозе.

На совещании ген. Покровский говорил, между прочим, следующее: «С отходом за Дон мы будем всецело в лапах кубанских самостийников, **в полной зависимости от казаков.** Необходимо привлечь к себе казачью массу, лучшую часть Казачества. Должен быть сделан яркий шаг, указывающий, что Главнокомандующий казакам верит и решительно ставит крест на прошлое. Вы знаете, какой ненавистью пользуется у казаков Особое Совещание, которое считают виновником всех зол. Хотя сейчас Особое Совещание и упразднено, но правительство осталось прежнее, вышедшее из состава этого совещания. Надо убедить Главнокомандующего, что в настоящих условиях необходимо призвать в состав правительства, как лицо приемлемое для казаков и в то же время близкое Главнокомандующему и всему нашему делу — это генерал Богаевский»...

Донской Атаман на это предложение ответил: «Что же делать, если я могу быть полезным делу, то я согласен»... (Врангель, Записки, т. 1-й, стр. 282). Поэтому было решено повести дело так, чтобы ген. Богаевский стал во главе Деникинского правительства.

29 декабря 1919 г. должна была начаться сессия Кубанской Краевой Рады, созданной для выборов Войскового Атамана и решения иных важных вопросов. В этот же день ген. Деникин своим приказом назначил выборного Донского Атамана председателем своего правительства.

Между прочим, об этом назначении 29-го декабря ген. Деникин письменно уведомил ген. Лукомского, бывшего председателем его правительства до этого. Уже за границей в своих «Очерках русской смуты» ген. Деникин распубликовал следующее: «В конце января (1920 г.) я освободил от председательских обязанностей ген. Богаевского» (т. 5-й, стр. 308). Выходит, что Донской Атаман около месяца был у Деникина председателем правительства.

Однако, все дело с униженным назначением Дон-

ского Атамана председателем деникинского правительства было продано только для обмана казаков. На самом деле ген. Богаевский ни одного дня фактически не был председателем этого злосчастного правительства.

Один из виднейших помощников Деникина — К. Н. Соколов по этому поводу опубликовал следующее: в начале января 1920 г. «зайдя по делу (в гор. Новороссийске) к ген. Лукомскому, я был немало поражен тем, что в его приемной на Воронцовской улице оказались в сборе все мои бывшие коллеги по Особому Совещанию. Мне объяснили, что здесь ежедневно в 1 час дня происходят заседания правительства. Действительно, новое правительство ген. Богаевского состояло пока только из одного председателя, и силою вещей продолжало действовать старое правительство. Говорили, что ген. Богаевский прислал В. Н. Челищеву телеграмму с просьбой быть его заместителем в Новороссийске. **В действительности, в Новороссийском правительстве председательствовал попрежнему ген. Лукомский.**» (А. С. Лукомский: Воспоминания, т. 2, стр. 166; Соколов: Правление ген. Деникина, стр. 239; Деникин: Очерки русской смуты, т. 5-й, стр. 295, 305, 308).

Так «вожди белого движения» обманывали казаков, а Донской Атаман, в угоду русским, сознательно пошел на этот обман.

Этим дело не ограничилось.

Ген. Деникин хорошо был осведомлен о том, с какими настроениями съезжаются в Екатеринодар члены Кубанской Краевой Рады, лично перенесшие ноябрьские генеральские издевательства, осуществленные при помощи некоторых же казаков. Долго, но безуспешно перед этим Кубанская Рада добивалась организации самостоятельной Кубанской армии. К концу 1919 г., как отмечено выше, большевистские армии надвигались на Кубань. Но ей нечем было защищаться, так как Кубанской армии все еще не было...

Поэтому Деникин снова спешил обмануть Кубанскую Раду, как это он, при помощи ген. Филимонова, уже проделал 1-го февраля 1919 г., когда в официальном приказе Кубанского Атамана, подписанном и военным министром ген. Науменко, было объявлено о существовании Кубанской армии. (Трагедия Казачества, ч. I, стр. 164-165, ч. II, стр. 148-154, 288-290, ч. III, стр. 43-64, 347-349).

29 декабря 1919 г. ген. Деникин назначил ген. А. Г. Шкуро командующим еще несуществовавшей Кубанской армии.

Таким образом, Донского Атамана фиктивно провозгласили председателем правительства ген. Деникина, а кубанского генерала Шкуро — объявили командующим еще не организованной Кубанской армии...

По поводу этого двойного обмана Деникин уже за границей, в 1926 году, глубокомысленно написал: «Этими актами начался ряд уступок Казачеству» (Очерки, т. V, стр. 295).

Между тем положение Деникина ухудшилось до крайности не только благодаря проигрышу вооруженной борьбы против советских войск, но и благодаря коренному изменению политики Союзников в отношении сил, боровшихся на территории Восточной Европы. «Международная конъюнктура», говорит выше цитированный К. Н. Соколов, «не благоприятствовала Главнокомандующему в его мирной борьбе с крайними казачьими группами. В своем последовательном развитии политика Союзников все дальше и дальше отклонялась от национально - государственной программы ген. Деникина. Союзники смягчились по отношению к большевикам и преисполнились усиленными симпатиями к окра-

инным сепаратистам. Признание Верховным Советом правительств Грузии и Азербейджана совпало с миссией мистера Мак - Киндера, долгожданного английского комиссара. Английский комиссар от имени своего правительства гарантировал Главнокомандующему продолжение материальной помощи и эвакуацию раненых, больных и офицерских семейств, но связал эти обещания с предложением определить отношение Главного Командования к окраинным образованиям. Союзников интересовало, чтобы ген. Деникин признал фактически существующие окраинные правительства и заявил, что установление в будущем отношений между Россией и окраинами должно последовать путем соглашения между обще-русским правительством и правительствами окраин при посредничестве союзных держав» (Правление ген. Деникина, стр. 243-244).

Ген. Деникин предложил своему правительству высказаться по поводу этого предложения Союзников.

31 декабря 1919 г. правительство под председательством ген. Лукомского обсудило этот вопрос и постановило:

... «Во внимание к военному положению, в связи с событиями в Казачьих областях, создающими опасность потерь остающейся территории, единогласно признано **принять полностью предложение Мак - Киндера, в том числе признание вами (Деникиным) правительством самостоятельности существующих окраинных правительств и установление будущих отношений путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами, с допущением сотрудничества союзников**» (Деникин. Очерки, т. V, стр. 305).

Пронрав борьбу против большевиков и видя, что Казачество стремится освободиться от сотрудничества с «белыми», под сильным давлением Англии русские «белые вожди» принуждены были, хотя для виду, отступить от «незыблемого до тех пор догмата целокупной русской государственности».

Этот факт, вне сомнения, свидетельствует о том, что руководители «белого движения» могли перед тем осуществлять свою политику в отношении «окраин» только благодаря той поддержке, которую они встречали со стороны Союзников, в первую очередь, со стороны Англии. Как только Англия признала своевременным и необходимым пригрозить Деникину прекращением ее материальной помощи в случае продолжения им своей прежней непримиримой политики в отношении «фактически существующих окраинных правительств», как русские «белые» вожди сразу отступили от догмата «целокупной русской государственности»...

Если Казачество в 1919 году не смогло укрепить свою государственную самостоятельность и независимость, вину за это несет не только оно само, не только политика «белых» вождей, но и известная политика Союзников, давших крепкую опору для политики Деникина...

Эта антиказачья политика победителей в Мировой войне 1914 - 1918 г. г. обессилила Казачество, не дала ему возможности закрепить и защитить свою государственность, и, в конечном счете, только облегчила московским большевикам оккупацию Казачьих Земель. Если бы та колоссальная, в общем, материальная и моральная помощь, которую оказали Союзники русской контр-революции, была дана Казачеству и другим народам — невольникам России, большевизм ограничился бы только пределами Великороссии...

И теперь Казачество и другие народы процветали бы и не мучились бы в русской красной неволе...

(Продолжение следует).

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ САМОГО СЕБЯ—ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. — ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШАЯ СЛУЖБА СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ЧУЖИНЕЦ.

Попытки русских революционеров привлечь казаков на службу своим целям

В конце 1870-х — начале 1880-х годов в Казахских Землях становилось все более смутно: с одной стороны, все большее количество казачьей молодежи вовлекалось в общероссийское революционное движение, которое находило свое выражение, хоть и в весьма слабой степени, и на территории Казахских Войск; с другой стороны, росло недовольство в широких массах казачества.

Мы уже поминали в свое время, как революционеры от расплывчатого казачофильства, воспеваания Разина и Пугачева, начинали переходить к попыткам организовать чисто казачье движение, бороться за чисто казачьи, а не расплывчатые общенародные (читай: крестьянские) интересы. В частности, «земледелец» Г. В. Плеханов ездил в 1878 году на Дон, вошел в общение с Казачьей интеллигенцией и опубликовал воззвание к казакам от имени бунтовавших казаков Луганской станицы.

В начале апреля 1879 г. Плеханов вновь оказался на Дону, в Ростове, в Таганроге, Новочеркасске. Здесь он, на хуторе Алексея Родионовича Попова, брата видного русского революционера, впоследствии шлюселебуржца, Михаила Род. Попова, устроил приют для скрывавшихся из Петербурга революционеров Мирского. Но это для нас гораздо важнее, он написал здесь новое воззвание к казакам **всех** Войск, а не только Донского.

Воззвание это было напечатано в тайной «Петербургской Вольной Типографии» и широко распространено в России в 1879 г. (1). Правительство встревожилось и сочло нужным сообщить о прокламации атаманам всех Казахских Войск (8 декабря 1879 г.), причем в III-м Отделении собств. Е. В. Канцелярии перепечатали для начальства на гектографе нужное число экземпляров воззвания.

Странная судьба постигла это воззвание: оно исчезло без следа, о нем сохранились сведения, но ни в архиве III-го Отделения, ни у революционеров, ни за границей, в архивах партий и т. под., не было найдено ни одного экземпляра. Только в 1933 г. один экземпляр нашелся, наконец, в судебном деле Квятковского, и мы считаем своим долгом довести до сведения казачества полный его текст. Плеханов писал:

«Славному войску казачьему Донскому, Уральскому, Кубанскому, Терскому, и проч., и проч.

ВОЗЗВАНИЕ.

«Братья казаки!

«Хорошо и вольно жилось вам в старину на ваших землях, которые кровью своею отвоевали вы от неприятеля.

Не было у вас ни благородных, ни черни, сами выбирали вы свое начальство, своего Наказного (! Ред.) и прочих атаманов; не стесняли вас службою: вы служили, сколько могли и сколько хотели, а за эту службу получили вы грамоты на свои земли, чтобы быть им в вечном у вас владении, со всеми полями, лугами, лесами озерами и рыбными ловлями. О теперешних налогах и тяготах не было и слуху.

«Так жили когда-то вы, храброе войско казачье, но уже давно начали стеснять вас понемногу. Стали назначать вам Наказного Атамана из Петербурга, ввели тяжелую службу и не только перестали давать за нее жалованье, но, вопреки прежним царским грамотам, по-

делили землю на пайки: офицерам дали по 200, а простым казакам по 30-ти десятинам; теперь вводят земство, а оно отбирает у вас леса, облагает землю податями, а потом и вовсе сравняет вас с крестьянами.

«Давно старики предсказывали, что лишат казаков всех их прав, что будут стеснять их, и наступит большая смута в казачьих землях...

«Вы сами знаете, что сбылось их предсказание.

«Везде были смуты. Уральцев за то, что не хотели подчиниться новому положению, целыми сотнями ссылали в Сибирь и в Туркестан; в Черноморье волновалась Полтавская станица; на Дону Луганцев таскали по острогам и грозили Сибирью за то, что не хотели отдать земству лесов, которые по царским грамотам должны принадлежать казакам.

«Братья казаки! Было время, ваши деды и отцы присягали служить царю и отечеству только тогда, когда получали за это вольные грамоты. Требуйте и теперь такой грамоты, чтобы остались за вами все ваши права и Земля и Воля, и леса, и реки, и озера; чтобы управлять вам самим собою; самим выбирать Наказного Атамана; землю давать всем поровну, не платить за нее налогов; не вводить земства и всех казаков уравнивать в правах, чтобы не было, как теперь, черни и благородных, а службу всем справлять поровну и по силе возможности. Деды ваши знали, как надо поступать, и вам не мешает припомнить старинный казачий обычай.

«Не дадут нам вольной грамоты, не давайте присяги на службу, а будут заставлять силою, так неужели славное войско казачье не сумеет отстоять своих прав?

«Далеко гремит слава Казачья! Знают казачью храбрость и немцы, и французы, и венгры, и турки, и черкесы, и англичане; вы заслужили эту славу своею удачею, вы заплатили за нее кровью своею и головами своих братьев. Неужели же струсит казачье войско, не сумеет вытребовать своих прав, на которых жили и служили его предки?

«Вы, казаки, — не мужики. Вас не учить стать владеть ружьем и пикой, не учить победам над неприятелем. Опозорит себя навек казачество, если не вернет теперь прежних вольностей. Что добыли кровью деды, не должны отдавать без боя внуки».

«Петербургская Вольная Типография».

Перечитывая это воззвание, мы видим, что писал его человек, бывавший среди казаков, но не долго, и — во всяком случае — не казак. В самом деле, всякий казак отлично зная, что «наказный» атаман есть именно, назначенный кем то атаман, в противоположность выборному, а Плеханов ни что не сумяшеся, писал о необходимости замены назначенного Наказного Атамана выборным, «Наказным Атаманом», очевидно, он думал о **войсковом атамане**, не подозревая об истинном значении слова «наказный». Но многие выражения, слышанные им от казаков, он вставил в воззвание. Затем, ни Плеханов, ни — повидимому, — его донские вдохновители не имели точного представления об историческом прошлом Дона. Не упоминая ни словом о **вольном** казачестве, Плеханов рассматривает донских казаков, как служивых. Стеснения, испытываемые казаками, изображаются им, как уменьшение льгот **служилого** Казачества. Самый принцип взаимоотношения не подвергается сомнению. Наконец, основное требование воззвания — издание жалованной грамоты с подтверждением казачьих привилегий, несколько опаздывало: формально, Александр II-й исполнил его еще в 1863 г. Дело было не в жалованной грамоте, а в **политике** уравнивания казаков с прочим населением.

Интересно отметить, что одним из главных аген-

1) Экземпляры этого воззвания были найдены 23 и 24 ноября 1879 г. в Петербурге у народолюбцев Евгении Фигнер и А. Квятковского, а также в тайной типографии, арестованной 18 янв. 1880 г. в Саперном переулке. Мы забудем, что Квятковский был в 1878 г. на Дону вместе с М. Р. Поповым.

тов Плеханова на Дону был ростовец (еврей) Гутерман, который принимал некоторое участие в революционной работе среди черноморцев: через него шли всякие украинские издания на Кубань. За эту, главным образом, работу Гутерман вскоре же был арестован и административно сослан в В. Сибирь (2).

Еще в июне 1879 г. (6-го июня) часть членов партии «Земля и Воля», после секретного съезда партии в Воронеже, поехала на Дон и Кубань для организации сношений с местными революционерами (предстояли важные события). Мы знаем уже о деятельности Плеханова на Дону.

Однако, должно признать, что волею независимых обстоятельств, деятельность революционеров была отвлечена от «работы в народе» и направилась на борьбу с центральной властью путем, главным образом, террора. В казачьи земли попадало их (революционеров) не много.

В 1879 г. был арестован и 31 мая сослан из Новочеркасска в Восточную Сибирь Ив. Марк. Радецкий, известный в 1890 г. г. проповедник физического воспитания молодежи. Сюда бежала из Вологодской губернии, из ссылки, революционерка Н. С. Смирницкая, чтобы вместе с И. В. Калужным вести на Дону революционную пропаганду. В Верхнебольшевской волости Донецкого округа устроился в волостные писаря революционер Александр Знаменский, но вскоре скрылся. 26 мая 1879 г. был арестован казак, писец Ново-Черкасского окружного суда Мих. Вас. Попов «за распространение преступных мыслей против правительства и государя и через год (13 мая 1880 г.) ему было сделано «строгое внушение о неуместности его суждений».

Некоторое сочувствие революции начиналось и на Дону: революционер П. Фед. Лобанов (Гудзь), осужденный на 15 лет каторжных работ в Киеве, был арестован с паспортом казака Ивана Щербины (3). Некоторые донцы приняли видное участие в рев. работе вне пределов Донского края. Среди них на первом месте надо поставить Ив. Ив. Басова, бывшего студента Петербургского Технологического Института, организовавшего в 1879 г. кружок в Киеве. Цель кружка была приобретение средств на революционное дело (путем попытки ограбить денежный ящик одного полка в Житомире и нападения на конную почту). К кружку принадлежал упомянутый выше Гудзь, а также повешенные вскоре Свириденко, Давыденко; кроме того, Зубрицкий (20 л. кат. раб.) и др. Басов своей энергией павел ужас на начальство. Ему удалось в 1880 году бежать в Румынию, а затем в Софию, в Болгарию.

В студенческих беспорядках 1879 г. в Харькове принял видное участие студент университета, казак ст. Ермоловской, Александр Власов. В мае 1879 г. в Рыжске арестовали сотника Донского казачьего полка Вл. В. Мержанова «за имение книг социального (!) содержания». В сент. 1879 г. был арестован в Петербурге фельдшер лейб-гвардии Казачьего полка Вышкович, заподозренный в литографировании прокламаций к рабочим.

В окт. 1878 г. арестовали в Екатеринодаре «за распространение вредных мыслей» студента Харьковского Ветеринарного Института Ант. Альшанского. 15 июля 1879 г. был арестован окончивший Кубанскую учительскую семинарию Корнилий Саенко, обвинявшийся в «ведении пропаганды» в Кубанской области (в 1882 г. ему вменили в наказание годичное предварительное заключение и дали 1 год гласного надзора). В ноябре 1879 г. в ст. Уманской искали в школе, у Ив. Беспалова, запрещенных изданий. Из Кубанской учительской семинарии был исключен «за распространение социальных

(?) идей» воспитанник Шинцев. За сочувствие покушению на Александра II-го, в ст. Халыжинской был арестован Мих. Вл. Хандаерчев. В 1879 - же году в ст. Усть - Лабинской жил доктор Александр Мих. Богомолец, с женою Софией Ник. Присекой. Вместе с нею, Г. Батоновым и Н. Охременко, Богомолец вел пропаганду среди казаков и, повидимому, не только революционного, но и национального украинского характера.

В августе 1879 г. состоялось разделение крупной революционной партии «Земля и Воля» на две новых партии: «Черный Передел», стоявший за продолжение «работы в народе», и «Народную Волю», поставившую целью захват власти во имя политической свободы. «Черный Передел», несомненно, больше уделял внимания «народу», нежели «Народная Воля». В печатном органе (конечно, «подпольном»), «Черного Передела» много говорилось и о казаках. Продолжая идейные традиции «Земли и Воли», «Черный Передел» (ном. 1, 15 янв. 1880 г.) противопоставлял государство народу. «Русское государство сдавило народ железным кольцом... наложило свою тяжелую руку на казачество». Поэтому, первая задача «Ч. П.» это было «разрушение государственной организации». Снова шли напоминания о Разине и Пугачеве и борьбе с государством: «кровавая и шумная, как ураган в минуты крупных массовых движений, вроде бунтов Разина и Пугачева, борьба эта не прекращалась».

В ном. 2 «Черн. Передела» мы находим ссылки на волнения казаков на Урале, в ст. Полтавской, Кубанской обл. и на Дону (с. 190). В ном. 3 передавались слухи на Украине, что «знов буде Запорожке» (с. 251).

В 1880 г. в Женеве была издана брошюра «Об издании Русской Социально Революционной Библиотеки», издание было подписано виднейшими эмигрантами. Автором его был переселившийся этим временем за границу Плеханов. «Можно - ли думать, — спрашивал он, — что приемы и способы социальной пропаганды остаются единообразными и неизменными, как в ватаге рыбаков, на Волге, так и между рабочими больших городов, в столице казачьего войска и в мастерской мелкого ремесленника уездной глуши»?.. «Социалистическая литература, — полагал Плеханов, — не должна игнорировать местные национальные, исторические или экономические особенности... а напротив... примирять существующий уже между различными народностями или группами антагонизм...»

«Возьмем хоть Казачье Донское Войско. Как крестьянину, так и казаку, прежде всего бросаются в глаза экономическая и правовая разница их положения. Отсюда — антагонизм, заставляющий крестьянина с завистью поглядывать на огромный — сравнительно — надел донца, и этого последнего презирать «мужика»... Спрашивается, полагают - ли социалисты совершенно оставить в покое казачество, и если нет, то какой успех будет иметь в казачестве революционная брошюра, трактующая о нуждах мужика, написанная крестьянским языком?..»

... «Мы не имеем ни одной книжки, ни одной прокламации, которая пыталась - бы разъяснить казачеству его истинное отношение к государству, указать на выход из этого положения, на необходимость солидарности с презиаемым на Дону мужиком. Тоже — разумеется — нужно сказать и о войске уральском и черноморском» (4).

Помимо Плеханова, членами редакции «Библиотеки» были П. Л. Лавров, Л. Н. Гартман и Н. А. Морозов. Очевидно, и им была ясна необходимость, обращаясь к казачеству, говорить ему о **казачьих** интересах, и даже «по казачьи». Однако, брошюры такой не появилось за границей, да и в России год спустя было лишь напечатано новое воззвание к казачеству, но не брошюра.

Но не одни революционеры возлагали надежду на Казаков. Из реакционного лагеря слышались также голоса, звавшие казаков в **своем** направлении. Некий П.

2) О пребывании Плеханова на Дону в 1879 г. см.: «Былое», ном. 16 (1921 г.), с 8; «Группа Освоб. Труда», сб. 6, с. 74; Е. Кушева «Неизданная листовка Г. В. Плеханова». «Кат. и ссылка», ном. 107. В Сибирь сослали не только Матвея Гутермана, но и отца его Давыда.

3) Мы пропускаем все аресты в 1879 г. в Ростове по рабочим делам.

4) Отметим, что еще в 1861 г. Черноморцы и линейцы были слиты в единое Кубанское Войско, а Плеханов, через 19 лет, все еще писал о «Черноморском войске».

Т. Кулебякин (казак) напечатал в 1880 году стихи, в которых писал:

«Слава разящим крамолу,
слава!
«Слава царевой опоре,
слава!
«Слава хранящим Россию,
слава!
«Слава дающим ей силу,
слава!»...

Стихи эти были адресованы казакам, которые продолжали в Петербурге и в Москве нести, за отсутствием конной полиции, службу по охране уличного порядка.

Очарование движениями и личностью Разина и Пугачева (а отсюда и казачеством), все еще не проходило в среде русских революционеров. Знаменитый Киевский плотник, Гаврило, пропагандированный революционерами, иногда (выпивши) кричал на всю улицу: — «Я — Стенька Разин!»... Иногда же, в трезвом состоянии, поучал революционеров: «С нашим народом нужно, как Стенька Разин, командовать»... (5). Какой — то славянин («братушка»), погнавший наборщиком в тайную типографию, томился над своей работой и заявлял: «Я рожден быть Стенькой Разиным или Пугачевым (6). Присекий, в Киеве, в 1880 году, развилась в революционной среде, «программу набегов в духе Ст. Разина» («Наша программа», Киев, 21 окт. 1880).

Партия «Народной Воли», в первом же номере своего печатного органа «Народная Воля», писала, что в России «большая часть территорий завоевана вовсе не царями и воеводами, а самим народом, который ватагами, дружинами, подвигался на север (новгородцы), на восток (Ермакова вольница), и юг (казаки) и занимал землю безраздельно»...

Автор передовицы в ном 2 «Нар. Воли» писал: «Мы знаем, как устраивался наш народ всюду, где был свободен от давления государства; мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в Сибирских раскольничьих поселениях, везде, где дотрагивался свободно, соображаясь только с собственными наклонностями; мы знаем вечный лозунг народных движений. Право народа на землю, местная автономия, федерация — вот постоянные принципы народного мирозерцания»...

Автор передовицы в ном. 5-м «Нар. Воли» вспоминал XVII и XVIII века, когда «вольное казачество Донское и Уральское, и беглое бродячее население глухих станов... подняли на Руси смуту», и народ присоединился к ним, ибо на их знамени было написано: «борьба с государством и поворот к народным началам вехового периода, борьба с помещиками и переход земли в руки крестьянства». Но, — писал он, — «В наше время не отыскать на Руси уголка, где бы нашли себе приют эти буйные добрые молодцы, эти суровые выразители и поборники народных стремлений»...

Но самым главным выступлением партии «Народной Воли» в отношении казачества было его знаменитое воззвание, изданное в начале осени 1881 года.

Прежде, чем перейти к нему, мы расскажем о разыгравшейся на самом Дону, в среде местного населения, борьбе по вопросу об уничтожении местного самоуправления (в 1880 - 1881 г. г.).

То, что происходило на Дону в 1878 — 1882 г. г. в земском вопросе, было самым подлинным конституционным конфликтом. Былая Донская Республика, вошедшая со времен Петра I-го в состав Империи, продолжала существовать, как область, на особых правах состоящая. Старое историческое самоуправление — казачье — было уничтожено, равно как и выборность должностей (кроме станиц). Количество не-казачьих в крае все время увеличивалось. Демократические реформы 60-х годов уничтожили почти все казачьи права.

5) Аксельрод «Пережитое», 1923 г., с. 94; «Дебагорий «Воспомин», с. 117.

6) «Кат. и Ссылка», т. 24, с. 43. Ивановская «Первая типография «Нар. Воли».

Казаки переставали быть **единственными** полноправными гражданами края.

Местное самоуправление по земскому закону 1864 года, приспособленное к особенностям донской жизни в 1875 году, дало первое место (среди окружных земских гласных) землевладельцам и торговому сословию (44,53 проц.), за ними шли гласные от станичного казачьего населения (42,19 проц.) и, наконец, 13,28 проц. были отведены донским крестьянам (сельским обществам).

Власть в крае, фактически ускользнувшая из рук казачества, но принадлежавшая ему номинально, фактически переходила в руки дворянства, купечества и крестьянства. С другой стороны, земские налоги, как бы они не были малы, были тягостны для казаков, как вид ненавистного им **прямого** обложения. Либеральное дворянство и крестьянство в России, дотеле совершенно бесправное, а теперь освободившееся от крепостной зависимости и благодарное за призыв его к участию в земстве, были рады земству. Зато не рада была земству властная, донская полуголодная бюрократия. Последняя начала борьбу против земства и стала требовать его уничтожения, опираясь на глубокое недовольство казачьей массы. 16 ноября 1879 г. открылась в Новочеркаске чиновничья комиссия ген. Маслакова «по рассмотрению вопросов **практического** применения к области положения о земских учреждениях. Вместо разрешения поставленного вопроса (о **практическом** применении) Маслаковец поставил вопрос о ненужности и вредности земского самоуправления на Дону, и в мае 1880 г. комиссия, большинством 4-х против 3-х, решила, что земство не пользуется на Дону сочувствием большинства населения. За сим Маслаковец стал собирать подписи под заявлением об отмене земства и свез, в конце 1880 года, эту петицию в Петербург.

Военный министр Милютин запросил мнение атамана Н. А. Краснухотского о предположении временно закрыть на Дону земские учреждения. Атаман, наоборот, настоял на созыве в Новочеркаске в 1881 г. «комиссии 106 гл.», представителей от сословий. Во избежание влияния на казаков со стороны других обитателей области, членов комиссии разбили на три группы. За земство единогласно высказались представители группы сельских обществ и торгового сословия. Другая группа (от землевладельцев, шахтовладельцев, коннозаводчиков и войсковой администрации) высказалась за организацию **краевого** самоуправления на более широких, чем земство, основаниях. «Настала пора вручить **всем** слоям местного населения, в лице **свободно избранных** им представителей не только попечение об удовлетворении т. наз. земских потребностей, но и заведывание делами общего войскового хозяйства», — такова была принятая единогласно резолюция А. А. Донецкого. Вопрос шел для этой группы о создании, именно, **краевого**, местного самоуправления и выборной, подотчетной администрации.

Представители от станиц потребовали **восстановления всевластного исторического Войскового Круга**, выборности, всех должностей с правом голоса для **всех** казаков, а не одного донского дворянства. Казаки требовали прирезки земли. Они резко противопоставляли свои интересы интересам дворян — помещиков и крестьян.

Что касается земского «обложения их деньгами», то казаки заявляли, что впредь «сочтут это нарушением их вековых прав и **окажут сопротивление!**...» (7).

Заседания Комиссии происходили в Новочеркаске, в ноябре 1881 г., уже при Александре III-м.

По мнению правительства лишь одна группа ответила на заданный вопрос и хотела сохранения земства. Две другие хотели чего-то нового, а не земства, одна — **краевого** управления на выборном начале; другая — возрождения Круга.

24 мая 1882 г., в виду **нежелания** казачества пользоваться **земским** самоуправлением, земские учреждения на Дону были закрыты.

7) «Мнение казачьего сословия первой группы Высоч. утвержд. Комиссии 106-ти», Новочеркаск, 1881 г.

Восшествие на престол нового царя поставило перед ним вопрос о необходимости издать новую жалованную грамоту, сперва Войску Донскому, а затем и другим казачьим Войскам, с заверением императорским словом, что все казачьи вольности будут им и его наследниками соблюдаться. Александр III медлил безконечно. Даже реакционный наказный атаман Святополк —

Мирский, сменивший либерального Краснукотского, должен был неоднократно напоминать ему, что наследник (Николай Александрович), Атаман всех казачьих Войск, должен получить в Новочеркасске, в Войсковом Кругу, знаки своего атаманского достоинства. И поездку в Новочеркасс, и опубликование своей грамоты Александр III оттянул до мая 1887-го года.

ВЛАДИМИР КУРТИН.

Т о ю ж е д о р о г о ю

15 лет существования в «борьбе за существование». 15 лет скитания по ветру и — прихоти бросающих кусок не хлеба, а корки от хлеба. 15 лет максимальной траты физических и духовных сил за минимальные средства, не обеспечивающие даже полуголодное существование...

15 лет тому назад по этой же дороге в глухое, горное местечко катился поезд...

15 лет тому назад Степану Лавину было 30. Теперь 45...

Скотские вагоны. Беженская шпанка... Все, как один, один — как и все. Английские шинели, кавказские бурки, российские вши... И тиф... Но, 30 лет! Жизнь — безбрежный туманный океан. И острова счастливых неожиданностей... Европа впереди!... Жадный интерес. И вызов: Мы еще повоюем, чорт побери!

Теперь уж 45. Почти старик: плешь во всю голову и миллион морщин. Тоска и скука. Сплыл безбрежный, бурный океан — Европа. Остался маленький горный городишко.

Без треска и эффекта лопнули радужные мечты. Осталось: жить... А что же делать? Нужно же жить!...

Зачем?... Это другой вопрос. Зачем Лавин Степан после 15 лет опять едет по той же дороге, в то же самое местечко?...

Сидит у окна вагона, смотрит на те же горы, на какие смотрел 15 лет тому назад, на те же самые убогие селенья... которые и ныне так-же чужды и враждебны ему, как и 15 лет тому назад.

Слушает цоканье колес на стыках рельс и кажется ему, что никаких 15 лет и не было... И голова болит не от 15 летних лишений, а от вчерашней паровой качки. И то, что было 15 лет тому назад, — есть сейчас...

После отчаянного болтунья по сивым волнам Адриатики тиф с кубанцами выгрузился на набережную императора Диоклетиана.

Было это в тот день, когда три восточных короля, бредя за неожиданно появившейся звездой, дотались до окрестности Вифлеема. И поклонились новорожденному Спасителю мира... Шел дождь. Шли под дождевыми зонтиками сплитчане. Останавливались на почтительном расстоянии от места выгрузки кубанцев и, не особенно дружелюбно, а то и совсем не дружелюбно, комментировали неожиданный «долазак врангелевцев». Тем временем мокрые железнодорожники, при помощи солдат, впили в товарные вагоны тифозоносную толпу. Задвинули задвижки. Свистнула кукушка. Покатились... Куда?

— Куда?... Разве эти люди, пережившие великороссийскую, станичную, белую, красную, черноморскую, крымскую, лемносскую и другие трагедии, разве они знали, куда гонит их пятиконечная красная звезда? Сбились в темных, скотских вагонах, чешут изъеденное вшами и лишаями тело и с закрытыми глазами смотрят фантастические картины, что неутомимо, с калейдоскопической быстротой разрисовывает тиф в их воспаленных, ошалелых мозгах. Они еще не политические эмигранты. Даже не беженцы. Они просто затравленные, голодом и жестокими экспериментами обезчеловеченные, бывшие... генералы, полковники; вообще офицеры и кандидаты в оные; строевые и нестроевые, богатые и бедные, образованные и необразованные, умные и не умные... все смешалось в одну бесформенную массу, бесцветную, обезволенную, которая катилась по на-

клонной туда, куда вообще скатывается все бывшее в употреблении, отслужившее свое предназначение и ставшее не нужным...

Кому в Европе нужны были побежденные «врангелевцы»? защитники деспотизма, «герои контр-революции»?

Они не были нужны ни в Европе, ни в Африке. Ни побежденные, ни как победители... И они катились по линии наименьшего сопротивления — в братскую балканскую землю.

Стерлись все грани, внешние и внутренние различия, условные и сословные отличия. Испарились идеи и вообще всякие «высокие материи» и остался только один животный инстинкт, сноровка голодного брюха. С точки зрения интересов голодного брюха расценивались все ценности. Смотря под этим углом на весь мир, зло критиковали все, на что наталкивались, с кем и с чем входили в какое-либо соприкосновение.

Стучат колеса, посвистывает паровоз — кукушка... Куда везет она потомков вольных степных рыцарей?...

По крышам вагонов барабанит дождь. В вагонах темно и мокро...

— Сократись немного!...

Неуклюжие «танки» дернулись, а их хозяин что-то пробурчал.

— Сократись, на меня лется!

Тот, к кому была обращена эта просьба, плотнее прижался к месту, ни на вершок не подвинувшись в сторону.

Петро (в прошлом войсковой старшина), повернувшись в небольшом кругу, как мокрая изыбшая собака, переменял положение тела так, что теперь голова его была на том месте, где прежде были ноги, и вода лилась уже не на его голову, а на ноги.

— Попросишь консервов, когда приедем, не дам.

Бурка не отзывается.

— Посмотрите кто nibудь: куда едем? — покрыва-ет общую перебранку генеральский бас.

— На кудыкину поляну!...

— Тебе — то не все ли равно, куда «едем»?

— «Едем, едем» — доехали!...

— Не спрашивал, когда на Москву «ехали»?

— Как будто вам тяжело посмотреть!...

— А ты сам посмотри!...

— Научился приказывать!...

— Не от себя: он только передавал приказания.

— Ну, и самостийник обозвался!...

Вообще почти весь вагон вдруг будто бы обиделся, что и здесь есть такие, которые приказывают. В действительности же огрызнулись только те, которые сидели, стояли или лежали на «хороших» местах и видели в приказании генеральского баса не приказание, а подвох.

— Встанешь с места, а он и плюхнется. Как тогда его, чорта, выкуришь с места?...

Все же нашелся один есаул, которому терять было нечего. Подтянулся на руках, заглянул в квадратное окошко.

— Чорт его знает!... Как будто к горам приближаемся!...

Колеса вдруг заскрежетали. Как будто в рельсы врезались. В окошко повалил дым. Начали кашлять.

— Тунель!... затвори окно!...

Затворить окно оказалось не так то просто.

— Ведь вот, черти! Нужно ж было!...

— Задушит проклятый уголь!

— Не велика беда...
— А хорошо было бы.. если бы туннель обвалился...

— На твою голову.
— А твоя то кому нужна?...
— Для мишени.
— А твоя для веревки...
— Ну, конечно, ведь и он — член Рады.
— Ну, это ты потише: в морду получишь!...
..... Так во тьме скотского вагона переговариваются бывшие. Меньшинство. Большинство же только кашляет и бормочет что со совершенно несурзное.
Вылезли из-под земли. Машина покатила быстрое.

— Так! Так! Так! защелкали колеса. А Михаилу (в прошлом полковник) кажется, что это не колеса стучат о рельсы, а коваль тяжелым молотом бьет его по голове. Он даже видит этого коваля: высокий, прямой, с рыжей окладистой бородой, с лохматой грудью.. Чуждый чертенок раздувает мех. С горна брызгают искры... Коваль бьет:

Так! Так! Так!

Михаил не выдержал. Громко клацнул челюстями. Из утробы в рот выскочили комья противных, горьких консервов.

— Чего рычишь? — Петро ткнул Михаила в бок.

Михаил не отвечает. Петро, чья голова лежит на животе Михаила, чувствует, как его живот судорожно стягивается, потом торопливо потягивается к горлу.

— Этак, пока доедем, весь через рот выскочит...

Под буркой воняет. Пригревшиеся вши грызут спину и шею. Ноги в «танках» онемели и зудят.

— Так! Так! Так!...

О вагон бьет ветер. Холодно.

Михаил корчится: Ы..и! Ы..и! И..и!

Поезд выбрался на плато и побежал между гольми, корявыми «главицами» к синьской долине. Справа высокие каменные громады. Слева «главице». Между «главицами» тощие «поля», между полями и на полях тощие их собственники... Скоро и горное местечко, в котором Лавин Степан уже однажды «выгружался». Из которого 15 лет тому назад ушел с тем, чтобы никогда не вернуться и в которое сейчас возвращается.

Сейчас лето. Чахлые дубки скрашивают бесплодный пейзаж. По склонам гор спуют овцы. По шоссе пробегают автомобили, плетутся меланхолические магарцы (ослы). Словом, жизнь течет дальше. А Степан вспоминает, как было. Как было тогда, когда кубанцы скопом докатились до этого местечка...

В мурый, зимний вечер, когда сырой туман мокрой рогожею накрывал всю синьскую долину, а холодная изморозь в'едалась в души измотавшихся железнодорожников — из вагона вывалились заматанные в бурки и башлыки кубанцы и недвижными рядами горных мумий выстраивались вдоль полотна, оканчивающегося в недалекой дыре депо...

Из тьмы чей то ошипший голос командовал:

— Подайсь!.. Еще!..

На что ближайшие к дыре — депо, сдержанно, но зло отвечали:

— А куда?.. И так «поддались»! Дальше уж некуда!..

За депо через мутную завесу дождя чернеет бок горы. Дальше — ни железной, ни никакой другой дороги нет... Докатились...

К левому флангу черных рядов подошел доктор, за ним местные власти.

— Болен? — обращается доктор к первой бурке.

— Никак нет: здоров!

— А ты?

— Здоров.

— Тиф? — спрашивает вдвое перегнувшуюся соседнюю бурку.

— Никак нет: здоров!

Высокий доктор в непромокаемом плаще вздернул плечами.

— Чудно, а мне сообщили, что они все больны тифом.

— Дорогой выздоровели, — сострил тот, что выстраивал.

— Опрашивайте дальше! — Уездный нетерпеливо показал на ряды кубанцев. Доктор пошел вдоль фронта. При его приближении из каждого башлыка вылетало короткое:

— Здоров!..

Женщин не опрашивали.

Все кубанцы оказались «здоровыми», поэтому местный уездный приказал водворить их в бараках за городом. А жандармам приказал в оба смотреть за ними:

— Чтобы ни один «врангелевец» не показывался в городе!

— На ле-во! Левое плечо вперед — шагом марш!..

Подняли с земли мешки, сундуки и сумы. Повернулись. Пошли... Растянулись по топкой долине. Сверху сыплет холодная дождевая пыль. Один по одному вытягиваются в длинный барак, будто в пасть чудовища. Грузно валяются на земляной пол. Один за другим. Один за другим.

Спят. Стонут. Храпят. Гнут матерщиной. Дети плачут... Словом: спят.

Вши не спят. Тиф не спит.

Утром осмотрелись. Началась «дифференциация». По пайковому признаку: большинство казаков — в артель. Семейные офицеры — в семьи. Остальные в одиночку «под залог» и за наличные в корчме «мадам Элен». Перегруппировались: офицерский барак с генеральским углом, казачий барак — для нижних чинов. Тифозный барак для всех чинов. Заняли места и начали жить..

«Здоровому» Михаилу уже на второй день власть предоставила тифозный барак, где он вольготно расположился в одном из четырех углов на полу. В остальных углах и вдоль стен расположились другие.

В 2-х верстах от тифозного барака, среди романтической долины, между невысокими холмиками, местные власти предупредительно отвели кубанцам еще одно место: кладбище.

Военные власти назначили коменданта и паек.

Дождь, дождь, дождь. И туман. Туман и дождь.

Дымят семейные мангалы. Пахнет борщем артельной кухни. В корчме «мадам Элен» скварчит солянка. Молодые «безпризорные» офицеры голодными волками рыщут между этими, с ума сводящими запахами. Валюты у них нет. От вещей только клочки воспоминаний. А паек проходит через пищевод, как муравей через водосточную трубу. Они — бывшие «идеалисты» и потому совершенно никудышные «избеглицы»...

Другое дело — «простые» рядовые казаки: не обремененные идеями спасения великой, неделимой — спасли и донесли тяжелые сумы. И потому для «мадам Элен» это «русы 1-го сорта». Разве не правда, что «казаки лучшие русские мужики?».

Корчма «мадам Элен» сыграла большую роль в жизни первой кубанской «колонии». В ней воскресла политика. Не кубанская, а специально русская...

В один вечер один б. генерал угощал не организованных ни в одном котле б. офицеров. Ели и пили. Захотелось петь. Запели — каждый свое. Получилась какофония. Разброд. Встал генерал. Вскинул очки на лоб. Измерил... и приказал замолчать. На столе еще было вино и капуста. Замолчали. В наступившей тишине, под булькающий на плите соус, из горла б. генерала вдруг полились торжественно пьяные звуки гимна..

Чтобы быть хозяином у себя, надо не ходить Казачеству в работники к другим.

Чтобы не ходить больше в эмиграцию, надо Казачеству строить свой Дом

Вот тут то и началось. В этот момент бывшие вдруг перестали быть бывшими. И воскресла политика. Вплоть до кулаков и поломанных табуреток. Ибо в то время, как генеральский стол, окруженный штаб — офицерами, вытянувшись во фронт, угрожающе выводил:

Ца-арстуй...

Стреловые и нестреловые казачьи столы сидели, ели и пили. Вбешенный таким непочтительным отношением к своему русскому гимну, казачий генерал категорически приказал встать:

Всем, всем, всем!

Казачи — народ привычный к повиновению: встали и гаркнули:

... «Про твои станицы вольные!».

Эффект получился совсем неожиданный. У генерала появились дезертиры. Начались перебежки. Голосами. В «царствуй на страх» вмешался «отцовский дом». А «ты, наша родина» разлилась вдоль и ширь до «царя храни». Каждый дирижировал: перед носом другого. Кулаками, а которые помызыкальнее, ножками от табуреток... Влетела «интервенция» мадам Элен и полиция.

Словом, политика ожила. Политические страсти пробудились. Лица бывших приобрели бывшее выражение... Лицо генерала приняло новое выражение. И он, осекшись на высоком «Бо», — дунул привычным басом:

«на врага, на басурманина!...»

...Где вы теперь? Какой гимн соберет вас опять в одну казачью семью? Есть ли еще между вами такие, что еще мешают «отцовский дом» с «общей родиной»?

...Здесь никто не остался. И корчмы «мадам Элен» уже нет.

С землей сравнялись могилы на кладбище. В сухой траве валяются кресты без надписей...

Местные жители говорят, что здесь похоронены: «врангелевцы».

Те, что лежат здесь под сухой травой и тернами, те уже не исправят своих ошибок.

—Ну, а вы, разбредшиеся по всему свету, неужели между вами все еще есть «врангелевцы», «миллеровцы?».

Кому еще из вас приятно умереть под чужим именем, на чужой земле и за чужие интересы?

Доколе же все это будет продолжаться?

Милостивый Государь, господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах журнала «ВК» нижеследующее:

В № 8 (14) журнала «Казакция», на первой его странице, помещена статья от «Центрального Правления ВК казаков националистов», которую без возмущения читать нельзя.

Доколе же все это будет продолжаться? Скоро ли г. г. члены «Центр. Правления» прекратят грызню? В этом ли заключается казачья идея, чтобы стараться вылить больше грязи? «Центр. Правление» нашло полную поддержку со стороны казаков Болгарского Округа. Если казаки доверились ему, как своему руководителю, то не надо злоупотреблять этим доверием. Не надо забывать того, что казаки не вполне оправдывают эту тактику — сеять и поддерживать раскол всеми силами.

Несмотря на то, что был послан (отрицательный) ответ И. А. Билому, все же не все казаки оправдали это, но, не желая раз'единения, согласились с посланием. Глава — же «Центр. Правления», видимо, стал привыкать к тому, что все, везде и всюду будут исполнять все его прихоти, не вникая в их суть, и все сильнее стремится использовать свою власть, врученную ему казаками, для достижения лишь своих личных целей.

«Вольноказачья масса, которая разделена между этими двумя центрами, должна сделать выбор, т. к. компромисса между ними быть не может. — Я, как один из казаков, состоящих в этой массе, заявляю: во имя идеи компромисс должен быть. Если «Центр. Правление» работает во имя идеи, оно обязано оставить личное. Компромисс должен быть во имя Казачества.

Вы («Центральное Правление») пишете о чуждой казачьему духу диктатуре. Станичники, прошу вас ответить тогда мне: как будет называться то, что когда член ревизионной комиссии Округа задумал произвести ревизию окружных дел и описать имущества, — ему отвечают: «Ревизии никакой не позволю и описать имущества делать не разрешу!».

И только за то, что член ревизионной комиссии захотел произвести ревизию, его окружной атаман, который обязан отчитываться перед своей ревизионной комиссией, исключает из организации. А когда станичный атаман запротестовал по поводу такого исключения из организации, то окружной атаман, воспользовавшись властью председ. Центр. Правления, все же предписал: «Исключить!».

Это что же такое: демократизм, или что другое? Ответьте, пожалуйста, господин председатель!

«Чтобы оздоровить наше движение — нужно отказаться или от одного человека, или от всей казачьей интеллигенции»..

Громко сказано. И, значит, этим путем мы избавимся от «перманентных конфликтов». — Еще громче.

Глубокоуважаемый Павел Назаревич! Вот вы подписались под этим письмом, написанным через чуж по-интеллигентному (даже я никак не могу взять в толк, не говоря о многих других казаках, коим рассылается журнал). Раз'ясните мне, пожалуйста. Я думаю, что раз вы подписались, так уж наверно знаете, что это такое «перманентные конфликты?». Что это за животное такое? — Или болячка, вроде малярии?

Итак, дорогие станичники, членов «Центр. Правления» я не знаю, но если и они такие же демократы, как и их председатель, который «одним расчерком пера» исключил члена ревизионной комиссии Округа, председателя ревизионной комиссии Софийской станицы и председателя станичного суда из состава Округа, то мы, кажется, пойдем очень далеко. Это что-то не похоже на демократизм, о котором, я полагаю, г. председатель Центр. Правления знает столько же, как я о марсиянах. Этот «новый» демократизм не совсем в казачьем духе.

Смотрите, г. председатель, как бы не ошибиться. Исключать из организации члена ревизионной комиссии Округа, который был поставлен на этот пост всеми делегатами, вы не имели права. Этим своим жестом вы казаков не испугаете и я первый поднимаю в печати свой протест против такого исключения.

Думаю, что мой протест будет услышан всеми теми, кто выбирал ревизионную комиссию Болгарского Округа.

Казак А. Лаврухин.

16 сентября 1936 г. София.

От Ред. — Помещая настоящее письмо, мы добавим, что автор его, А. В. Лаврухин, человек в Болгарском Округе не случайный и не неизвестный — это атаман станицы имени Н. С. Рябова в Софии и окружной писарь Болгарского Округа.

От себя же пожелаем, чтобы голос его не остался гласом вопиющего..

Казачьим националистам

В номере 8 (14) оппозиционного журнала «Казачья» (за август с. г.) помещен ответ «Центрального Правления ВК — казаков националистов» на мое предложение о мире, напечатанное в 200-м номере журнала «ВК».

Ответ этот совершенно ясен: «компромисса между нами не может быть. Все компромиссные и временные средства бесполезны», а потому всем вольным казакам — казакам националистам — предлагается «сделать выбор между двумя центрами». «Чтобы оздоровить наше движение, нужно, в конце концов, отказаться или от одного человека, или — от **всей** национальной казачьей интеллигенции» — так ставят вопрос оппозиционеры и добавляют:

«Слово за казачьими националистами».

А чтобы никто не сомневался, что это пустой жест, их ничем не связывающий (они никогда не подчинились большинству в ВК, если им то было выгодно), наперед объявляют: «Центральное Правление при этом предупреждает, что сознание им своей правоты целесообразности его работы настолько прочно, что оно при всяких обстоятельствах будет продолжать свою национальную работу». — Это значит, что чтобы ни сказали казачьи националисты, «Центр. Правление» будет **продолжать** свое.

Следует отметить, что присваивая себе «сознание своей правоты», авторы ответа отказывают в таком же праве другой стороне.

В прошлом номере журнала «ВК» я, ознакомившись с 7-м номером «К», уже заявил, что впредь не буду брать на себя инициативы примирения. Сейчас, прочитав 8 (14) номер ее, могу только подтвердить то свое решение. Сейчас уже и я начинаю думать, что может быть и лучше будет для дела ВК, если компромисса между нами не будет..

Не собираюсь уговаривать казачьих националистов сделать выбор непременно в пользу «одного человека». Думаю, что постепенно выбор этот будет сделан правильно.

Не собираюсь вступать я и в специальную полемику с «Центральным Правлением», но я не откажусь от того, чтобы иногда, если действительно оно «при всяких обстоятельствах» будет продолжать свою «работу», раскрыть казакам глаза на самую суть ее..

Возглавители оппозиции ставят мне в упрек то, что я свое мирное предложение сделал не всей оппозиции, а только Болгарскому округу. Это правда: я не делал и не собираюсь делать мирных предложений всем оппозиционерам. Это дало, очевидно, повод главарям оппозиции заподозрить мою искренность. Сие обстоятельство вынуждает меня в ближайшее время сказать открыто, почему я не могу пойти на примирение со всеми лицами, стоящими ныне в рядах оппозиционеров, возглавляемых «Центральным Правлением».

На одной странице своего ответа — «манифеста» «Центральное Правление» позволило себе несколько раз повторить весьма смелое утверждение:

Я, по их мнению, «отметаю от движения почти всю казачью национально настроенную и активно работающую интеллигенцию», а они «созданы и поддерживаются» «почти всей вольно — казачьей интеллигенцией».. На одной стороне «лицо, обладающее известными всем отрицательными личными качествами», а на другой — «организованная казачья национальная интеллигенция».. (А где же простые казаки?). И даже «выбор» надо сделать между «одним человеком» и «**всей** национальной казачьей интеллигенцией»..

— Завидное самонадеяние. Впрочем, скромностью некоторые переперешные оппозиционеры не отличались и раньше. Но, не будем спорить с ними и на этот раз. Нам это не мешает. Очевидно, что Кудинов — это интеллигент, а Билый — не интеллигент. Трофимов — интеллигент, а Куртин не интеллигент, Безуглов — да, Ленивов — нет. Овсяник — да, Штовхань — нет. Косоротов — да, а Букин — нет. Евсиков — да, а Евсеев — нет. Ба-

линов — да, а Маргушин — нет. Балыков — сверхинтеллигент, а Поляков — ничто. Доктору — инженеру — полковнику — вообще равного нет.. И т. д., и т. д..

Но куда же зовет казаков вся эта «национальная казачья интеллигенция»? — Думаю, что и в рядах оппозиции, особенно среди тех, кто непосредственно в личной «драке» не был заинтересован, есть такие, кто уже и теперь кое — что видит. Больше они увидят, может быть, в самое ближайшее время.

А куда ведет г. Кудинов — возглавитель «всей национальной казачьей интеллигенции»? — На этот вопрос дает он сам ответ в том же 8 (14) номере «К» в обращении «К казакам». Есть там такое место:

... «Славный прадедовский путь уможенный боевым оружием, костями предков и зацементированный Казачьей кровью, найден вами (казаками) под **ветхим** знаменем Казачьего Национального Движения. — Помните, братья, что путь избранный нами — путь **тесный**, путь **скорбный**, путь, покрытый трехсотлетним **рабством** и заросший красным колючим чертополохом. На этом пути еще **ни** один из нас сложит кости, еще **ни** один оставит безжизненное тело, но ради свободы Родины и ее вечности эта благородная жертва — свята. — Не страшитесь чертополоха Московского! Бронью рыцарской расчистим острые шипы! Сами выковыывая свое национальное счастье, молотом тяжелым расплющим ржавые вражьи цепи, **заступом могильным** взроем, веками заросший Казачий шлях и стройными сожнутыми рядами уравнием обновленный путь, который лежит к берегам священных рек: Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга и к водам далекой Сибири. — Станичники, **угасают сумерки**.. Близок рассвет!.. Вы не поколебались в выборе правого пути, вы не ошиблись в политическом расчете, голос вашей совести не обманул вас и те, на кого вы возложили тяжелый крест борьбы за Казачью долю, **себе изменяют**, но вам, бесценные ратоборцы, о чьи груди плющился раскаленный вражий свинец, никогда и ни за что!».

— Прежде всего: как могло так случиться, что «всю национальную казачью интеллигенцию» возглавляет такой просто безграмотный человек?

В самом деле: как понимать такие выражения, как: «ни один из нас сложит кости, ни один оставит безжизненное тело»?

Непонятно и как это могут «угасать сумерки» и близиться рассвет. Сумерки, ведь, всегда до сих пор переходили в ночь.

Но, конечно, не из-за таких безобидных выражений я останавливаюсь на маловразумительном наборе слов вождя «казачьей национальной интеллигенции». Остановился я для того, чтобы подчеркнуть, что мы с ним действительно понимаем по разному казачье национально — освободительное движение и самую суть программы ВК.

Знамя Казачьего Национального Движения — конечно же! — **не ветхое знамя**. Оно — по существу — новое знамя и крепкое знамя. А то, что есть в нем и на нем от прежних веков, то — древнее, старое, но не ветхое.

Путь, избранный нами — **не тесный и не скорбный**. Тесным его делают или хотят таковым сделать только г. Кудинов и его единомышленники. Наш путь, тот Казачий Путь, на который зовем Казачество мы, — **путь широкий**. Он не легкий, он **тяжелый** путь, но он не **скорбный** путь.

Бойцы, идущие в бой, не скорбят. В движении, в борьбе скорбеть нельзя. Бойцы скорбели бы, если бы попали в безвыходное положение и потеряли всякую надежду на лучшее будущее.

Скорбят — о прошлом. Скорбят — обо всем утраченном. Скорбят, когда нет выхода, где нет надежды.. Скорбит Мать об утере Сына. Скорбел Сын перед неизбежной Чашей..

Скорбь — статика, безнадежность.. Путь скорби — путь на кладбище..

— Нет, путь ВК — не путь скорби, хотя он и есть путь борьбы, может быть и кровавой..

Не покрыт наш путь и трехсотлетним рабством. В рабстве казаки не были. Попадали иногда в неволю (в плен), потеряли потом самостоятельность, постепенно — на протяжении столетий — отбирали у них права, но в рабство повернуть не смогли.

Не будем спорить о том, чем зарос казачий шлях, — это может каждый понимать по своему и общему делу это повредить не может.

Есть в обращении г. Кудинова одна не то простая бессмыслица, не то какая то «тонкая политика» (подготовка почвы на будущее?): «Те, на кого вы возложили тяжелый крест борьбы за казачью долю, себе изменят, но вам... никогда и ни за что!». (Или «вождь интеллигенции» просто натужил — в пику Каледину! — сказать нечто очень умное?).

Искренно можно или не изменить ни себе, ни вам, или — изменить одновременно и себе и вам. А вернее, пожалуй, по настоящему себе изменить нельзя (нельзя выпрыгнуть никому из своей кожи), а можно изменить или не изменить только «вам».

«Изменить себе и не изменить вам» могут только политические игроки. Для тех же, у кого слово не расходится с делом, у кого убеждения не отделяются от него самого, — для тех вообще невозможно такое разделение измены и неизмены. Те, кто не отделяют себя от общего дела, те не могут, изменив себе, не изменить общему. (Если «себе изменим, а вам не изменим», — значит, наперед допускаем расхождение, раздвоение внутри себя — между собою и «вами!»). Те, кто уверяют, что, изменив себе, они не изменят общему делу, те и теперь уже двойники: свое у них одно, а общее — другое. — Какое же возьмет, в конце концов, у них перерыв?

Словом, такая игра возможна только для людей не искренних, не твердо убежденных, переменчивых... Кто наперед предупреждает, что может «изменить себе» и «не изменит вам», тот в действительности может изменить вам, но никогда не изменит себе..

Вольно или невольно, но г. Кулинов сказал о себе и о своих единомышленниках страшную правду: «заступом могильным взроет веками заросший казачий шлях»...

Могильными заступами роют только могилы. Путь оппозиции, узкий путь скорби, — это путь неладов и внутренней междуусобной борьбы — действительно путь к могиле Казачества. На этом пути его хочет видеть наш враг.

Опомнитесь, кто еще не ослеп!..

Я уверен, что здравый казачий разум разберется в хитросплетениях «всей казачьей интеллигенции» и не

пойдет под ее ветхое знамя на узкий и скорбный путь междуусобицы — к ямам, вырытым могильными заступами, а

пойдет он по широкой, хотя и трудной сейчас, Казачьей Дороге к единой и светлой Казачьей Цели — под знаменем ВК, знаменем настоящего Казачьего Национализма, пойдет, не останавливаясь и перед боем с врагом, если он не уступит с нашего пути раньше сам.

Наш путь розами не усеян. Будут на нем и боли, но будут и радости. А в конце его будет торжество Казачьей Национальной Идеи, торжество программы ВК.

СЛАВА КАЗАЧЕСТВУ!

П. С. — Чтобы не возвращаться в будущем к истории наших «мирных переговоров», считаю не безинтересным опубликовать те два письма, которыми мы обменялись недавно с г. Кулиновым.

13-го августа с. г. я получил от него такое письмо:

«Уважаемый Игнат Архипович, мой совет не делайте промаха, не углубляйте раскол. Обращение ваше в номере 200-м, ничем оправдать нельзя. Этот способ вредит вам же и пользы общему делу не приносит. Есть много других возможностей, над которыми вам следует подумать и разгадать мои скромные строки. С казачьим приветом П. Кулинов. Ц. Симеон 5. София» (Даты на письме нет, но на конверте дата софийского почтового штемпеля — 9 августа).

На это письмо я ответил таким своим:

«Уважаемый Павел Назарьевич. Письмо ваше, посланное из Софии 9 сего августа, я получил. Хочу ответить вам откровенно: Я считаю, что углубляю раскол не я. Я также не думал, как полагаете вы, что мое обращение к вам в ном. 200-м «ВК» «пользы общему делу не принесет». Но если не принесет действительно, то не по моей вине. Может быть и есть другие возможности, как пишете вы, но я разгадывать чужих мыслей и намерений не умею. Если же вы мне подскажите, то я не откажусь испробовать и те «другие возможности», так как считаю интересы ВК дела превыше всего. Слава Казачеству. И. Билый. — 21 — VIII — 1936. Париж».

«П. С. Отвечаю с опозданием, т.к. ваше письмо пришло во время моего отсутствия из Парижа».

— На это письмо я не получил никакого ответа. Ответ появился в 8 (14) номере «Казаккии»: никакого компромисса!..

Комментировать приведенные выше два письма предоставляется каждому по своему вкусу...

И. Билый.

Думы и мысли

«ПОХОД» ПРОТИВ ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНЫ

В общественно - политической жизни Казачества есть очень важное обстоятельство: это отношение к казачьей старшине. Серьезность его настолько чувствуется всеми, что, пожалуй, уже настало время каждому казаку задуматься над этим, поставить себе этот вопрос и пересмотреть его.

Казачье Освободительное движение, творя будущее Казачества, в настоящем подводит твердую жизненную основу под свои утверждения, беря поучения из прошлого.

Проработав свои идеи таким образом, Казачество, естественно, создает идеал своего будущего государства.

Ища причины краха своей государственности в прошлом, некоторые казачьи идеологи (теоретики) находят необходимую в таких случаях жертву — войсковую старшину: как же это можно сказать народу, что он до чего то недорос (хотя бы и в прошлом) или сам тоже виноват в своем несчастье (в настоящем)!

Эти идеологи «устанавливают» систематическую измену войсковой старшины в прошлом. Масса аплодирует таким выводам.

Конечно, вина войсковой старшины была в прошлом, есть и теперь, но она относительна, а не абсолютна, и казаки имеют достаточно здравого смысла, чтобы разобраться во всем этом самим.

Повторяемое изо дня в день, все же, дает себя знать и теперь, когда казаки читают или вспоминают что либо из своей истории, — все блестящие страницы, с восторгом, относят за счет казачьего народа, а темные, с проклятием, — только за счет войсковой старшины.

Действительно, в темных страницах казачьей истории очень часто была виновна войсковая старшина, если считать, что высокопоставленная и передовая часть народа ответственна за судьбы его, но и блестящие факты исторической жизни Казачества часто тоже вписаны тоже старшиной.

Скверной демагогией отдает от односторонне и так пристрастно освещенных вопросов. Задача передовых казаков — теоретиков движения, идеологов, всегда и всюду, честно и правдиво разрешать все казачьи вопросы. Пусть эта правдивость иногда и неприятна, пусть эта правдивость будет переноситься кое кем болезненно, с обидой, пусть, даже, высказавшийся прав-

диво лишится восхищения поставившей его в авторитеты массы — все же правдивость и честность прежде всего!

В рассуждениях о своей тяжелой судьбе, казачий народ не должен успокаиваться тем, что ему нашли жертву, заклеймив и уничтожив которую, он, казачий народ, выйдет к счастью. Это — заблуждение. Заклеймив огулом прежнюю войсковую старшину, казачий народ вознесет некоторую свою часть в руководители, что и явится причиной появления новой старшины. Идя за ней, Казачество будет вписывать в свою историю новые страницы, как светлые, так и темные. И опять при успехе и счастье, казачий народ себя почтет героем, а при неуспехе?.. При неуспехе — принесет в жертву свою старшину?

«Казачий народ был обманут, его завели»... поясняют казакам причины их народных несчастий. Может быть это и так. Разве исторические события демократического государства, народа — демократа, вершатся в один день и волею одной личности? Почему иногда народ, шаг за шагом, идет к своей гибели? Почему же народ следует стогою вождей — предателей? Разве нет у этого народа силы и права распорядиться своей судьбой по своему усмотрению, лишив своей верховной властью — Народной Волей — права на управление нею, все же, следуя за преступными вождями, повторяя угодных ему вождей?

Да, казачий народ имел эту власть — эту волю, их ошибки, следуя за изменниками — сам крепил измену. В казачьей истории казачья правда искажалась самими же казаками. Казачья воля подавлялась самими же казаками. Казачья государственность предавалась казаками же, а не только лицами из войсковой старшины.

Когда в казачьей памяти вырастают величественные фигуры борцов за казачье право, то всегда, как тени, вырастают и фигуры изменников. Казачьи герои часто выходили из рядов старшины и это понятно почему. Потому что — или они были выдающимися лицами и Казачество возводило их в степень старшин и они творили акты исторического значения, или эти герои были из семейств старшин, положение которых им давало возможность образования, приобретения опыта посредством наблюдений, вращаясь в кругу управляющей среды...

Листается казачья история и вырастают образы неустойчивой воли: Разин и тут же, рядом, как тень, Яковлев... Поборник казачьих прав Булавин и... Зершиков. Но, оставим эти примеры из истории. На веку нашем — и мы это должны помнить — защитили ли мы наших современников, казачьих борцов за свободу и счастье Казачества: Кулабухова?... Рябовола?..

Нужно ли отвечать, что нет? — не могли ничего сделать: как сопутствовал старшинам — борцам за казачью свободу — народ, так и изменников поддерживал тоже народ...

Казачьим публицистам и историкам пора оставить

опасный последствиями прием всегда клеймить, как «историческую причину» всех несчастий Казачества, войсковую старшину.

Вы против войсковой старшины, как сословия, какое образовалось при поддержке России. Но Казачеству, при будущем самостоятельном государственном управлении, это совершенно не опасно. Казачий демократизм всякую подобную опасность исключает: сословий больше не будет. В казачьи Войсковые Круги и Раду посылались люди и с погонами и без погон, с блестящей должности командира и со скромной — землероба...

Криками: довольно нам приказывали! — предупреждают казаков об опасности вновь подпасть под приказы. Но и этого не может быть при народоправлении. При народоправлении приказ — это есть воля народа, выраженная через своего избранника, выполнять которую следует в интересах народа же.

Итак, в чем же опасность для Казачества от слишком неразборчивого «похода» против войсковой старшины?

Опасность от такого «похода», создающего неправильное представление, что войсковая старшина исключительная виновница несчастий казачьего народа, в том, что эти выпад, этот поход может обратиться в поход против интеллигенции вообще.

В Казачьем освободительном движении и так остро чувствуется недостаток интеллигентных сил, т. к. старая интеллигенция — воспитанница российских учебных заведений, — вся почти русская, а не казачья, и отстранение старых, желающих работать для блага Казачества, и молодых, нарождающихся теперь, сил — преступно. (Таких казаки не отстраняют. Ред.).

Казакам — стопроцентным демократам, нельзя позволить себе снижать личности на уровень массы. Казаки должны стремиться свою массу поднять до уровня личностей и т. обр. у казаков не будет разделенности в народе, а будут стройные единодушные ряды личностей.

Не раз бывают казачьи собрания, когда казаки, возмущенные недобросовестностью своих избранников, кричат: довольно нами командовать, долой этих интеллигентов... и т. п. Отвечалось таким всегда и теперь повторяется черным по белому: да, никто не хочет попасть в руки неумелых политиков, неумелых правителей и изменников вождей, но для того, чтобы этого не было, надо самим, т. е. каждому, уметь разбираться в политике, знать кого выбирать и какой наказ давать правителям и контролировать действие своих вождей, что и является искренним казачьим демократизмом.

Каждый казак должен воспитать себя в сознании всей важности его гражданского долга и только таким образом и только когда это твердое сознание утвердится у большей части казачества — казачий народ достойно выполнит свою историческую миссию.

И. М.—кин.

Казачья эмиграция

ВК в Чехословакии

В ПРАГЕ

Казаки националисты в Праге собрались на сбор в «день Атамана К. А. Булавина» почтить память своего народного героя.

На сборе председательствовал и делал доклад на тему «Атаман К. А. Булавин» ст. К. К. Поляков.

Докладчик указал причины, вызвавшие войну Дона с Москвой, передал общий ее ход, нарисовал картины героической борьбы казачьего народа за свободу и расправы с ним петровских наемных и не наемных войск. Последними штрихами этой страшной картины были плывущие по Дону плоты с повешенными казаками мучениками, облепленными «черным вороньем»...

Докладчик заканчивает следующими словами:

«На прошлом сборе мы чествовали память Атамана С. Т. Разина, вспоминали мы Атамана С. Лаврентьева и войск. старш. К. Чюрносова. Сегодня мы собрались почтить память Атамана К. А. Булавина. В будущем будем вспоминать и помнить: тех, кто свою жизнь отдал за свободу Родины. Они умерли физически, но духовно живут и сейчас, в наше время новой борьбы казачьего народа за свою свободу, и, составляя наш невидимый авангард, увлекают нас на святую борьбу, на великий бой за правду и справедливость, за право и свободу нашего народа.

Вечная память Атаману Булавину! Слава Казачеству!

Потом выступили следующие станичники: доктор С. Степанов, М. Абраков и В. Галкин.

Слово ст. д-ра Санжи Уч. Степанова: «На свете есть

народ, в грудь которого велениями судьбы не раз впи-
валась смертоносная стрела за стрелой. Жизненный путь
его тернист, а скорбь его тягчайша. Но в своей безот-
радной доле он смиренен и кроток. Это не слабость,
ибо силен тот, кто не болтлив в своем несчастье.

Пользуясь счастливой возможностью, чтобы ска-
зать вам, мои друзья, что ни дикий кровавый раз-
гул мужицкой стихии, ни физическое истребление, ко-
торому мы подвергались, ни святотатство и глумление
над нашими храмами и верой — все это не поколеба-
ло стойкости нашего народа. Среди бешено бушующей
стихии, среди всеобщей разрухи и морального распут-
ства он остался, как и прежде, верным поборником за
вековые устои человеческой жизни, ибо велик есть
его душевный покой и его правда.

Но как бы не была печальна действительность и
как бы не казалась в своей огромной сложности без-
надежной жизнь — мы знаем, каков наш идеал, в чем
наше спасение и с кем мы прибудем к тихой пристани
независимой и привольной жизни.

В своем несчастье мы, калмыки, не были одиноки. У
нас были подлинные друзья, разделявшие с нами горе-
сти и радости жизни. Друзья наши — казаки.

Итак, друзья мои, сегодня, в день поминовения ва-
шего бесстрашного борца за свободу, Атамана Конд-
ратия Булавина, разрешите поделиться с вами моими
скромными мыслями от имени вольных казаков калмы-
ков.

Прошли столетия, но все же из тьмы времен ярко
светит на нас бессмертная личность Атамана — Рыцаря.
Кондратий Булавин был одним из тех, которые говорят,
что мое отечество не станет моим только потому, что я
родился в нем, оно станет моим в тот день, когда я за-
воюю его силой. Он был из тех, кто умеет желать всей
душой, кто чувствует всем своим существом, в ком нет
ни сомнений, ни колебаний. Вдохновенна была его во-
ля, неукратима его страсть и велика была его решим-
ость бороться за свободу своей отчизны, за благо ро-
димого Края...

Я глубоко убежден, что национализм, как есте-
ственное проявление любви человека к родному народу,
к родному языку и ко всему творчеству своих пред-
ков, освященному вековыми традициями и жизнью де-
сятков поколений; национализм, как залог политической
и экономической свободы народа и как необходимое ус-
ловие создания и укрепления своего национального го-
сударства, — такой национализм составлял жизненное
кредо Атамана Булавина.

Борьба его столь категорична по началу и тем бо-
лее по своему концу, не могла не вдохновиться извеч-
ной сущностью народной души, — национального «я».

Жизнь народа для людей таких, как Булавин, — из-
вечная Правда, зовущая и требующая крайних жертв.

Не следует забывать, что и наш национализм по-
коится на крови и костях человеческих. Не нужно за-
бывать, что нашему осознанию своей национальной
сущности предшествовала эпоха глухой и кровавой
борьбы и что в те отдаленные времена не одна каза-
чья голова скатилась с плахи.

Но наша колесница еще не у своей конечной це-
ли, а в предверии грядущей схватки. Много теснин, гор-
ных ущелий, непроходимых болот лежат на пути ее
торжественного шествия.

Но она непременно достигнет своей конечной цели,
потому что наша политика — жизнь, а деятельность —
не пустая теория, а программа неоднократно уже испы-
танная на практике.

История, говорят, повторяется. Верую, что она по-
вторится и в нашем трудном случае, и что идеализм ВК
выведет нас на широкую дорогу мира. Слава Казаче-
ству!».

Слово ст. **Мангата Амракова**: «Уже 228 лет прошло
со дня трагической смерти одного из выдающихся сы-
нов казачьего народа, Атамана К. Булавина. В этот день
мне хочется посвятить его светлой памяти несколько
слов, чтобы время от времени напоминать, воскрешать
и укреплять в памяти народа образ одного из величай-
ших его сынов.

Кондратий Булавин, как казак — националист ду-
шой и телом, принес на алтарь своей веры в казачье
дело величайшую жертву — свою жизнь. Он наша не-
сомненная гордость, наш символ борьбы.

У Атамана К. Булавина был такой лозунг: казаков
должна объединять любовь к свободе и вражда к при-
вилегированным земельным классам, «лихим боя-
рам», как их называли казаки. Социальный антагонизм
проявлялся на Дону тогда довольно остро и он был од-
ной из главнейших причин крушения Донской незави-
симости. Старшина казачья стала дружить с Москвой.
Спрашивается: почему казаки старшины тянули в сто-
рону Москвы? Да по той причине, что их интересы раз-
нились во многом от интересов казачьей общины... По-
сле того у них жизнь изменилась. Старшины стали за-
ниматься скотоводством, земледелием и стали пользо-
ваться крепостным и наемным трудом для сосредото-
чения богатств в своих руках. Подобные стремления вы-
звали сугубо отрицательное отношение среди казачьей
массы.

Мы, калмыки, вошли в сношение с казаками впер-
вые в 1642 году, в 1648 г. заключили с ними оборони-
тельный и наступательный союз против казачьих не-
приятелей. И мы, калмыки, населили Задонские степи.

Когда К. Булавин восстал, то он обратился к калмы-
кам, призывая их к совместному выступлению против
Москвы. Но калмыки, к сожалению, по отношению к К.
Булавину установили позицию благожелательного ней-
тралитета. На этот раз калмыки не могли помочь К. Бу-
лавину, потому, что Москва заставила их силой быть
«ниже травы и тише воды». И потому я, калмык — на-
ционалист, думаю, что никто не может упрекать нас в
том, что наши предки не принимали активного участия
во время восстания Атамана К. Булавина. Это для нас
всех, стремящихся к свободе, хороший исторический
урок, грозно предупреждающий нас от подобных ша-
гов в будущем. Наши общие интересы требуют, чтобы
мы были к этому более внимательны!

Слава Казачеству!».

Слово ст. **В. Галкина**: «Когда мы смотрим на пор-
трет, изображающий последнюю минуту жизни нашего
Атамана, то невольно думаешь: до каких же пор наши
враги будут убивать или будут принуждать стреляться
наших народных героев? Ответ один, он ясен: до тех
пор, пока мы не добьемся своей цели — свободы ка-
зачьего народа; до тех пор, пока мы твердые, как ка-
мень, в своих убеждениях и вере, твердой ногой хозяи-
на не станем на родную землю.

Кровь погибших за правое дело не высыхает. И
кровь нашего великого казака Атамана Булавина тоже
не высохла. Она зовет нас на борьбу до победы, а мы
должны доказать всем, что кровь эта не была пролита
даром. Эта кровь уже сейчас является цементом, скреп-
ляющим ряды казаков националистов, и той силой, ко-
торая помогает нам твердо и решительно идти к неза-
висимости казачьего народа. Слава Казачеству!».

После этих выступлений началась литературная
часть сбора. Ст. **И. С. Письменсков** читал выдержки из
поэмы Павла Полякова «Галина Булавина», а ст. **В. В.
Фролов** — из поэмы Константина Полякова «Атаман Бу-
лавин».

Таким образом, в этот день память великого Атама-
на почтили как казачьи ораторы, так и наша художе-
ственная литература.

Перед концом сбора ст. **К. К. Поляков** предложил
почтить вставанием память Атамана Булавина, его спод-
вижников и всех казаков, жизнь свою отдавших за ка-
зачью свободу. Станичники, встав, как всегда, исполни-
ли свою песню (каз. — нац. в Праге) «Что, кормилец
наш, Дон Иванович»...

Когда замолкли последние слова ее — «Не застыла
в нас кровь казачья и как бить врагов не забыли мы»,
станичник К. К. Поляков закрыл сбор.

На столе у председательского места стоит портрет
ген. И. В. Турчанинова. Низко спускаются наши казачьи
знамена, которые сегодня, завтра и всегда мы крепко
будем держать в своих руках. Слава Казачеству!

(Соб. кор.).

ВК в Греции

В ПИРЕЕ.

Образование ВК хутора.

Протокол собрания инициативной группы вольных казаков г. Пирея и его окрестностей (Греция):

Мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в г. Пирее и его окрестностях, собрались 13-го сентября 1936 г. и обсудив нашу тяжелую жизнь и вопрос об организации в. к. хутора здесь, решили:

Единогласно избрать атаманом хутора вахм. Василия Ивановича **Юрченко**, казака ст. Новомихайловской ККВ. Помощником атамана — хорунжего Алексея Алексеевича **Джанкаева**, казака г. Владикавказа ТКВ. Казначеем хутора — Лукьяна Алексеевича **Зинченко**, казака ст. Новоивановской ККВ. Писарем хутора — подхорунжего Федора Григорьевича **Колбасина**, казака ст. Усть-Лабинской ККВ.

В ревизионную комиссию избраны: председателем — **Д. Я. Самиско**, казак ст. Чамлыкской ККВ. Членами: **А. М. Безкорцев**, ст. Гулигаевской ТКВ, и **Г. П. Рогаль**, ст. Новоминской ККВ.

Кроме этого постановили: вступить в вольно - казачьи ряды; руководствоваться только предписаниями Походного Атамана ВК и всячески поддерживать его в его трудной работе на пользу и спасение Казачества.

Настоящий протокол послать на утверждение Походному Атаману ВК и просить его переименовать «Пирейскую в. к. группу» в «вольно - казачий имени ген. Бабиева хутор в Пирее».

Искренно приветствуем нашего Походного Атамана и его помощников, всех окружных атаманов и всех станичных, хуторских и куренных атаманов ВК.

Слава Казачеству!

Подписали: атаман хутора **В. И. Юрченко**, помощник атамана **А. А. Джанкаев**, казначей **Л. А. Зинченко**, писарь **Ф. Г. Колбасин**. Члены хутора: **Д. Я. Самиско**, **А. М. Безкорцев**, **Г. П. Рогаль**, **А. И. Черный**, **К. Бузун**, **А. Митрияшкин**, **Г. Глоба**, **М. С. Тарновский**.

ВК в Румынии

В ГАЛАЦЕ

Приговор № 3.

1936 г. сентября 1-го дня. Мы, нижеподписавшиеся должностные лица и члены в. к. имени Атамана Назарова хутора в Галаце (Румыния), собрались сего числа на очередной сбор, под председательством младшего помощника окружного атамана **А. К. Бабкова** для переизбрания хуторского правления (в виду истечения срока полномочий правления старого состава) и решения других общественных дел.

Избранными оказались: хуторским атаманом **И. Е. Сметанкин** (на второй год) и помощником (он же и казначей) **И. К. Щегольков**.

Копию сего приговора послать окружному атаману сотн. **С. А. Маргушину** на утверждение.

После выборов казаки помолились Богу и пожелали много лет здравствовать нашему Походному Атаману и всем окружным, станичным, хуторским, куренным атаманам и всему Вольному Казачеству.

Слава Казачеству!

Подписали: хуторской атаман **И. Е. Сметанкин**, помощник **И. Щегольков**; члены хутора: **А. Бабков**, **М. Назаров**, **Е. Сметанкин**, **А. Андриянов**.

ВК в Югославии

ПО ВК ОКРУГУ

Зачисляю в списки Округа:

1. В состав Кральевской вк имени Петра Кальнишевского станицы — **Захарова**, Василия Степановича (Заговской станицы).

Основание: прошение зачисляемого и постановление станич. сбора от 6-IX-36.

2. В состав Смедеревской вк. имени А. И. Кулабухова станицы — **Бурдунова**, Михаила Архиповича (Убеженской станицы).

Основание: прошение зачисляемого и постановление станичного сбора от 13-IX-36.

3. В состав Борской вк. имени Н. С. Рябова станицы — **Головина** Никиту (Чамлыкской станицы).

Основание: прошение зачисляемого и постановление станицы от 13-IX-36.

Приветствую новых членов Округа со вступлением в ряды борцов за свободу казачьего народа и желаю полного успеха в подготовке к служению интересам нашего отечества — Казакки.

Слава Казачеству!

Окружной атаман: **Н. Букин**.

В КРАГУЕВАЦЕ.

30 августа 1936 г. Крагуевацкая в. к. имени А. И. Кулабухова станица произвела переборы станичного правления. Сбор состоялся в кафане «Дымчево» под председательством Ивана Игнатов. На собрании присутствовало 18 человек.

В первую очередь станичным атаманом И. Билоусом было предложено спеть казачьи гимны, после чего старое правление сложило свои полномочия. Приступили к выборам нового правления.

При тайном голосовании, атаманом станицы избран хорунжий Иван Кузьмич **Картамышев**, помощником станичного атамана вахм. **Дмитрий Леонидов**, станичным писарем на третий год — ст. ур. **А. Г. Пальчик**, станичным казначеем **Василий К. Духнай**.

В ревизионную комиссию избраны: председатель — **И. В. Кугуков** и членами — **В. Дмитриев** и **П. И. Куропятник**.

После переборов новый атаман выразил благодарность старому правлению, а затем со своими помощниками дал обещание перед всеми членами станицы верно и непоколебимо служить ВК.

На второй день после переборов старый атаман передал новому все станичные дела, журналы, книги, ст. печать и бланк станичного атамана. Старый казначей так же передал новому все оправдательные документы, книги и деньги в сумме 223 д. 50 п.

Сообщил: **А. Пальчик**.

ЧУПРИЯ — ПАРАЧИН.

Уважаемый господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах дорогого нам журнала «ВК» нижеследующее:

Мы, вольные казаки Чуприйско - Парачинской имени К. А. Булавина станицы после известного перерыва 23 августа вновь собрались на станичный сбор, чтобы разрешить свои станичные дела и обменяться мнениями о том, что делается в большом свете.

Станичный сбор открыл станичный атамна **Н. Е. Варавка** следующими словами:

«Дорогие станичники, прежде чем нам приступить к разрешению очередных станичных дел, разрешите мне приветствовать нашего избранника Походного Атамана и всех окружных атаманов нашим искренним казачьим приветом. Слава им! Слава всему Вольному Казачеству!»

Отвтом сбора на это приветствие было дружное: «Слава им!».

Дальше станичный атаман выразил перед собравшимися свое удовлетворение, т. к. в его станичной семье все исполнены бодростью духа и верою в торжество ВК идеи. Казаки станицы никогда не падают духом...

На повестке дня были следующие вопросы: 1. Чтение бюллетеня ном. 2; 2. Чтение выдержек из журнала «ВК»; 3. Урегулирование членских взносов, 4. Доклад ст. Павлова о собрании «русских казаков» в Чуприи; 5. Доклад станичника Павлова о его поездке в Кральево, куда он был командирован станицей, для возложения на могилу И. М. Назарова венка от имени станицы; 6. Текущие дела.

По всем вопросам внутренней жизни станицы сбор проявил полное единодушие. Кроме того все распоряжения и руководства окр. правления и в частности окружного атамана приняты к сведению и строго исполнению.

Заслушав новую конституцию сов. России и обме-

нявшись мнениями, станичный сбор установил, что это ничто иное, как очередной обман окранных народов.

На этом же сборе был поднят вопрос о сооружении станичной иконы - хоругви Покрова Пресвятыя Богородицы. Все приняли в этом деле живое участие путем добровольных пожертвований, которые тут же внесли: 1. Никифор Е. Варавка 100 д., 2. Артем И. Павлов 100 д., 3. Дмитрий П. Сусь — 50 д., 4. Алексей Санин — 100 д., 5. Иван С. Шербанев — 50 д., 6. Иван Д. Миргородский — 20 д., 7. Иван П. Селезнев — 50 д., 8. Андрей П. Савин — 100 д., 9. Яков Г. Клочков — 100 д., 10. Карп А. Карнаухова — 250 д., 11. Алексей П. Чаус — 200 д., 12. Артем П. Яблонев — 50 д., 13. Аким Ф. Бирюков — 20 д., и 14. В память покойного Кондрата А. Карнаухова от брата его К. А. К. 250 д. Итого собрано 1440 дин.

Всю работу по сооружению иконы - хоругви постановлением станичного сбора возложили на Карпа Автономовича Карнаухова.

В заключение станичный сбор вынес постановление о, так называемом, «принципе благородного динара», заключающегося в том, что после каждого собрания, какого бы рода оно ни было, должен вестись сбор добровольных пожертвований на в. к. работу окружного правления.

При общем добром расположении духа и с полным сознанием своего долга перед Казачеством члены станичного сбора разошлись по домам.

Слава Казачеству!

19 июля в Чуприи состоялся сбор русских казаков, на котором присутствовали приехавшие по этому случаю из Белграда г. г. Саломахин, Персиянов и др.

Распоряжением окружного атамана Н. Ф. Букина, станичным атаманом Варавкой для информации было послано на этот сбор два своих человека.

После всех разговоров и докладов как местных, так и приехавших «представителей» русского казачества, присутствовавшим от Чуприйско - Парачинской в. к. станицы казакам были по существу казачьего вопроса заданы вопросы: чем вольные казаки недовольны в прошлом и настоящем?

На это им станичник А. И. Павлов ответил, что он пришел сюда совсем не для того, чтобы собранию русских казаков давать какой либо отчет о действиях казаков - националистов, а чтобы послушать их, что они, в конце концов, скажут о судьбе Казачества. Но все же вкратце собранию сказал, что цель ВК всем ясна — полное освобождение Казачества от московской опеки, ибо русский народ, если только Казачество останется под его верховенством, никогда не перестанет его притеснять и в будущем, как это было в прошлом, и как это делается сейчас.

На это заявление ст. Павлова г. Персиянов крикнул с места: «Правильно, станичник!».

6 сентября состоялся сбор Чуприйско - Парачинской в.к. имени Атамана Булавина станицы, на котором присутствовал окружной атаман Н. Ф. Букин.

Вначале сбор был ознакомлен с содержанием бюллетеней по Округу за №№ 10 и 11. Затем была беседа казаков с окружным атаманом по интересующим их вопросам и, наконец, последним был сделан доклад, в котором довольно обширно было обрисовано положение в мире, положение в Казакии, на Украине, Кавказе, Великобритании и других землях, находящихся под властью 3-го интернационала. В этом же докладе окр. атаман коснулся внешней политики Вольного Казачества и нашей задачи настоящего времени и ближайшего будущего. Еще раз он обратил внимание на огромную важность постановки на должную высоту отдела пропаганды и, в заключение этого вопроса, сделал опрос казаков — кто и что сделал в области пропаганды. Атаман здесь же был информирован о действиях тех казаков, кто переписывается со своими братьями казаками, не состоящими еще в рядах ВК.

Дальше сбор прошел в чередовании беседы о Казачестве и исполнением родных песен. Несколько раз лезгинка ст. Селезнева приводила в восторг казаков. Национальные казачьи песни и танцы сливались в одно живое..

Здесь же был продемонстрирован так называемый «принцип благородного динара», введенный, как правило, на каждом станичном сборе.

Собрано было 24 динара и переданы в станичное правление для передачи по назначению.

В этот вечер вопрос сменялся вопросом. О многом интересном было поведаано казакам из истории нашего народа.

Казаки просили окружного атамана до утра побить с ними, но он сказал: «Братья казаки! поговорим еще когда нибудь, а сейчас не надо забывать, что всем предстоит работа днем. Берегите здоровье. Ваши силы еще пригодятся».

В два часа ночи вся станица проводила окружного атамана на поезд. Все довольны проведенным временем и расстались с национальным приветствием:

— Воля!... Слава Казачеству!

Станичный писарь Дмитрий Сусь.

ВК в Германии

КО ВСЕМ ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ В ГЕРМАНИИ.

1. В представительстве журнала «ВК» в Германии получились сведения от казаков с мест, что ими получены от Правительственного Комитета ген. Бискупского анкетные листы с предложением заполнить их.

Мною уже было сообщено, что для нас, националистов, эти анкеты не обязательны, что подтверждает и сам комиссар, подчеркивая, что вообще анкета не носит обязательного характера (даже для русских), а для сепаратистов (самостийников) она вообще не обязательна. Таким образом, вольные казаки могут возвратить анкетные листы с указанием, что они посланы им по ошибке.

2. Вольным казакам на местах мною разосланы опросные листы с предложением выполнить их и в возможно скором времени переслать их снова мне. Такие опросные листы необходимы: 1) для учета своих сил на местах, 2) для общего контроля отдельных групп, 3) для облегчения защиты интересов в. казаков как правовых, административных, так и чисто политических ВК движения здесь вообще.

Многие из казаков уже прислали свои листы, выполнив их и приложив фотографическую карточку. Не приславшим еще своих листов следует поторопиться с присылкой их. После образования здесь ВК Округа, эти анкеты будут переданы будущему окружному правлению.

3. Некоторые казаки сообщили мне, что атаман так называемой «Грabbевской» станицы есаул С. В. Панасенко, агитируя среди казаков за вступление их в его организацию, позволяет себе применять совершенно непозволительные приемы. Так, например, он как бы вскользь указывает казакам, что не заполнение атаманских анкетных листов угрожает казакам всяческими бедствиями: лишением права на работу, лишением материальной поддержки и т. п.

Категорически заявляю, что все эти «угрозы» являются плодом буйной фантазии г. атамана». В Германии, провозгласившей полную терпимость ко всем антикоммунистическим национальным силам, стремящимся к возрождению своей национальной самостоятельности, не может быть и речи о необходимости записываться в лагерь инакомыслящих, особенно, если в этом лагере отрицают свою же национальную самостоятельность.

4. В связи с разговорами о предстоящей войне, всплыло наружу очень много различных «спасателей». Сейчас пошла полоса различных анкет и опросов. Возможно, что наряду с действительными анкетами, выпускаемыми различными учреждениями, могут появиться такие же «ведомости» необходимые и нашим врагам. Учитывая эту возможность в. казакам рекомендуется крайне осторожно относиться к многочисленным «благотетелям» со стороны. Мы имеем свои собственные листы и только их должны заполнить.

Берлин. Сентябрь. 1936 г.

Представитель журнала «ВК» в Германии

Г. А. Козловский.

БРАТЬЯ КАЗАКИ, ЖИВУЩИЕ В ГЕРМАНИИ!

Во всех странах казаки пробудились и стали собираться на свой широкий шлях - дороженьку. Стали создавать организации — хутора, станицы и Округа. Помогай им Бог.

Но что же мы, живущие в Германии, отстали от них! Давайте и мы не спать, а работать на пользу ВК и самих себя. Никто о нас не побеспокоится, кроме нас самих, казаков. Казак — казак. Значит мы и должны поработать на пользу своей родины.

Раньше мы были политически неграмотны и тратили свои силы на пользу врагов и во вред себе. Теперь мы уже научены горьким опытом. Враг старается нашими же силами нас же и уничтожить. Так давайте же хоть раз постоим за себя.

Как же мы постоим? Да очень просто. Давайте бросим все чужие для нас партии и придем все, как один, на свой родной путь — путь ВК, которое восемь с лишним лет работает и много уже продолжило нашего пути и выровняло его. Так что нам остается только прийти на этот уже готовый путь и идти по нем.

В других странах в казаки уже нашли общий язык, сговорились и пошли по одному пути. К сожалению, мы, казаки, живущие в Германии, отстали от других. Совестно нам будет, когда спросят — где вы были?..

Как же нам теперь, отставшим, наверстать потерянное? Очень просто. Многим уже известно, что есть вольно — казачья станица Ермакова в Ганновере, которой удалось многое сделать, т. е. соединить многих казаков в одно. С маленького хутора стала большая станица. Дай Бог, чтобы было побольше таких станиц. Но этого мало. Обращаюсь к вам, братья казаки, состоящие в станице и не состоящие. Первых прошу — будите спящих, они будут потом благодарить вас. Вторых прошу — просыпайтесь, открывайте глаза. Идите к нам, казак. Это ваш и наш долг спасти Казачество. Не забывайте, что мы были вольными казаками и должны постоять за ВК.

Когда все будет готово, тогда мы можем приступить к созданию в Германии ВК Округа. Когда будет у нас Округ, тогда мы не будем позади других, а будем наравне с ними и тогда нам нечего будет краснеть, что мы сидели и ничего не делали.

Тот, кто потрудится на пользу ВК, имя того никогда не забудет Казачество.

Итак, общими силами давайте в Германии создадим ВК Округ. Бог нам в помощь!

Думаю, что мой призыв не останется не услышанным. Слава Казачеству!

Атаман в. к. станицы в Ганновере, хор. Лосев.

ВК в Польше

ПО ВК ОКРУГУ.

1. От отдельных казаков и организаций ко мне поступают письма с разными вопросами, а особенно с вопросом о легализации организаций на местах. Новые организации спрашивают также, примут ли они участие в следующем Округном Съезде.

Довожу до сведения всех ВК организаций, что члены окружного правления не живут вместе и находятся в таком же материальном положении, как и все казаки эмигранты, т. е. должны зарабатывать себе на жизнь и вести одновременно казачье дело. Поэтому и бывает иногда невольная задержка по некоторым вопросам. Но все те организации, которые искренно желают работать для Казачества и которые уже исполнили требования статута и окружного правления, и те будущие организации, которые согласно статута представят приговора собственноручно подписанные всеми членами организации и список своего состава (т. е. количество мужчин, женщин и детей) и не позже, как за месяц перед Съездом будут легализованы, те организации примут участие в будущем Съезде.

2. Имею сведения, что в центральной Польше не только дети не умеют говорить языком своих отцов, но и сами отцы уже забыли свой язык. Поэтому всем вольным казакам необходимо обратить на это особое внимание и создать такие условия, чтобы не забывать своего языка, а главное — не забывать, что они казаки, а дети чтобы научились языку отцов и знали бы, что они казачата.

3. Я получал и получаю письма от казаков о том, что не имеют ли я книг по Казачьим вопросам. Должен сказать, что чувствую в этом отношении большой недостаток и я. Нам необходима была бы своя библиотека. Но в виду того, что Округ наш еще молодой и бедный, он не имеет пока возможности иметь свою, хотя бы небольшую, библиотеку, а вопрос этот встает перед нами все острее, все неотложнее. Поэтому обращаюсь ко всем вольным казакам в Польше с просьбой сообщить мне, кто имеет книги по казачьим вопросам и вообще поучительные и полезные для казаков, которые он мог бы предоставить в распоряжение Округа, чтобы можно было создать хотя небольшую окружную библиотеку.

Способы пользования этой библиотекой будут выработаны и объявлены вместе с списком книг после.

Окружной атаман: инж. Ф. Штовхань.

Станичный сбор ВК станицы в Острове - Мазовецком. Слева направо — сидят: И. Исаев, г-жа Исаева, М. Третьякова, А. Третьяков (ст. ат.), П. Родин (ст. писарь), Х. Третьякова, М. Третьяков (казначей). Стоят: П. Ситников, г-жа Ситникова, (сзади них — гость), Е. Свиная, И. Свиная, М. Солодков, М. Жиборина, П. Жиборин, Г. Шесменцов, П. Болдырев, М. Максимов. И. Черунов, И. Кондратьев.

ОСТРОВЕ - МОЗОВЕЦКОМ

Образование ВК станицы

17 мая 1936 г. под председательством Алексея Третьякова и при секретаре Болдыреве, Потапе Кузьмиче, состоялось собрание в. казаков в Острове - Мозовецком. Присутствовало 20 человек. Повестка дня: 1. Цель собрания — доклад Третьякова. 2. Перевыборы правления и 3. Разные вопросы.

По первому вопросу Третьяков изложил перед собранием причины, которые тормозили до сих пор оформление станицы, хотя о том и составлен был уже протокол в 1934 г. 17-18 и направлен по принадлежности для утверждения польскими властями. Главным тормозом служила неправильная формулировка параграфов статута. Теперь все препятствия устранены и станица может жить дальше нормально.

Постановили: приступить к перевыборам станичного правления и принять утвержденный уже польскими властями ВК статут.

Признать Походного Атамана ВК и выработанный статут для ВК в Польше.

Перевыборы правления станицы дали такие резуль-

таты: атаманом избран Третьяков Алексей Иванович, станичным писарем Родин Платон Хрисанфович, казначеем Третьяков Михаил Иванович.

В ревизионную комиссию избраны: председателем — Кондратьев Иван Давидович, членами ревизионной комиссии: Исаев Иван Устинович и Солодков Константин Григорьевич.

Решено самообложить членов станицы вступительным взносом в размере 1 зл. и месячными членскими взносами по 50 гр.

Настоящее постановление подписали: М. Третьяков, ст. Михайловской, В. Донс. окр., Кондратьев, И. ст. Богавейской, И. Исаев — ст. Перекопской, Усть - Мед. окр., Е. Фролов — ст. Есауловской, И. Свиначев — ст. Усть - Белокалитвенской, И. Глухов — ст. Семикаракорской, К. Солодков — ст. Старо - Григорьевской, Григорий Шесменцов, Оренбург, К. В., И. Лерунов — ст. Филоновской, Хопер. окр., П. Болдырев — ст. Верхне - Чирской, 2 Дон. окр., Ситников — Сибирского К. В., П. Жабериных — Уральского К. В., Родин П. — ст. Верхне - Чирской, 2 Донск. окр., М. Максимов — ст. Семикаракорской, Д. Мельников, Р. Кравсков — донец, А. Жуков — донец, И. Агафонов — донец.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ У НАЧАЛЬНИКОВ „РУССКИХ КАЗАКОВ” ?

«РОВС начал расплзаться. Уходят отдельные люди и целые объединения. От десятков тысяч членов остались десятки. Ушли сначала те, кому противна стала «политика», выстукивавшаяся на пустом барабане. А затем начали уходить и те, кто в этой именно «политике» желали идти дальше и кричать громче, чем на то решался ген. Миллер и его начальник «штаба» ген. Кусонский...

РОВС расплзся по двум направлениям.. Первым крупным сражением, проигранным ген. Миллером, был уход добровольцев, участников Кубанского похода. Когда затем группа начальников, стараясь спасти остатки РОВС-а, подняла вопрос о реформах, ген. Миллер уклонился от боя. Он вообще решил уйти на покой и собрался уже перевести «штаб» из Парижа в Югославию, передав его там ген. Барбовичу. Стратегический план сорвался. Раскрытие шпионской организации в штабе ген. Барбовича (дело Комаровского и др.) заставило ген. Миллера оставить управление в Париже. К тому времени, кстати, «реформаторы» затихли, и ген. Миллер, если не праздновал этим летом победу, то считывал на некоторую передышку.

Неожиданно в июле перешли в нападение «активисты». Генерала Миллера, видимо, решили побить собственным его оружием. Ген. А. В. Туркул, мечтающий занять место ген. Миллера, произвел нападение врасплох...

16 июля в зале Лас - Каз состоялось первое собрание «Русского национально-союзных участников войны» (РНСУВ), под председательством ген. А. В. Туркула. Трибуна была украшена национальными флагами и двуглавым орлом. Зал переполнен.

— Люди белой армии молчать больше не хотят!.. (О чем там говорилось, см. журнал «ВК», № 203-204, стр. 23. Ред.).

Узнав о собрании из газетного отчета, ген. Миллер прекратил лечение и примчался в Париж. Он вызвал 27 июля ген. Туркула на улицу Колизе для объяснений. Он поставил ген. Туркулу на вид «создание», без разрешения, новой военно - политической организации и указал, что ген. Туркул за то место своей речи, которое «все истолковали, как выпад против председателя РОВС-а, в нормальное время «был бы предан суду». Ген. Туркул (как гласит о том «сводка - протокол» ном. 3, о собрании старших начальников 26 августа, изданный канцелярией РСФСР-а) «против такого толкования его слов не возражал». Ген. Миллер указал ген. Туркулу на формальную несовместимость пребывания в РНСУВ и РОВС и предложил сделать выбор. Ген. Туркул, «перебив ген. Миллера, заявил, что он сегодня же подает рапорт о выходе из РОВС-а». Растерявшийся ген. Миллер просил

подумать. Однако, вечером ген. Туркул подал рапорт.

28 июля ген. Миллер отдал приказ ном. 14 об увольнении ген. Туркула из РОВС-а, и одновременно разослал по всем отделам «для словестного осведомления членов», циркуляр ном. 660.

Ген. Туркул опередил циркуляр, разослав заранее по тем же адресам собственную «информацию». В ней ген. Миллер обвинялся в пристрастии, непоследовательности и неспособности к управлению...

2 августа ген. Витковский созвал начальников частей для обсуждения событий. Собрание избрало комиссию, в составе ген. Скоблина, полк. Соколовского и полк. Ягубова, с целью примирить ген. Туркула с ген. Миллером. Первый визит «трех» к ген. Туркулу оказался безрезультатным. Комиссия съездила к ген. Миллеру. Тот выразил готовность идти на все уступки. Комиссия вернулась к ген. Туркулу. Ген. Туркул обещал встретиться с ген. Миллером, поспав к нему 12 августа двух делегатов, полк. Зеленецкого и полк. Чернощекова.

«До сего дня (повествует меланхолически сводка - протокол ном. 3) ни полк. Зеленецкий, ни полк. Чернощевков к ген. Миллеру не являлись и причина их неявки остается ген. Миллеру неизвестной».

А 3 августа состоялась в Галлиполийском собрании экстренная встреча дроздовцев (которых возглавляет ген. Туркул). На этом собрании по адресу ген. Миллера было произнесено столько горьких и жестоких слов, что председательствовавший ген. А. В. Фок совершенно смутился.

— Бы все, господа, слышали? — обратился он к собранию после этих речей.

— Все слышали!.. Все!..

— Ну, а я ничего не слышал.

Маневр ген. Фока, называвшего всегда ген. Миллера не иначе, как «главнокомандующий, вызвал общий смех. Ген. Миллер сделал ему замечание. Ген. Фок обиделся и подал рапорт. Приказом ном. 30, от 26 августа, ген. А. В. Фок исключен из РОВС-а.

Одновременно полк. Колосовский и полк. Силкин подали ген. Миллеру рапорт:

«Во исполнение постановления, вынесенного общим собранием чинов Дроздовских частей 3 августа с. г., прошу не считать чинов Дроздовского стрелкового полка и Дроздовского конного дивизиона, находящихся во Франции, в составе РОВС-а».

Ген. Миллер рапорта не принял. Его письмо, за ном. 2066, полковники не удостоили ответом. Дроздовцы считают себя вышедшими из РОВС-а, а ген. Миллер продолжает числить их под своим начальством...

— Так рассказывается о всех этих делах в «Последних Новостях», в номере от 4 октября сего 1936 года.

Важное свидетельство

На страницах нашего журнала вообще, и, в частности, в очерках «Трагедия Казачества» мы не раз подчеркивали, что русский народ уже в 1917 году стал на сторону большевиков. Стал на их сторону русский народ, стала армия и... офицеры. А когда потом кучка русских генералов начала «белое дело» и, при помощи некоторых казаков, сумела взвалить его на плечи Казачества, русское офицерство, в подавляющем своем числе, не стало на сторону генералов Корнилова, Алексева и Деникина. Напротив, большая часть его предложила свои шпаги Ленину и Троцкому. За такие утверждения нами были недовольны прежде всего казаки, остающиеся еще верными делу Деникина — Врангеля — Миллера.

Ныне мы имеем возможность привести ниже еще одно доказательство правильности своих утверждений — свидетельство **А. И. Гучкова** — русского патриота, бывш. председателя Государственной Думы и первого военного министра Временного Правительства (в «Последних Новостях» печатаются ныне его воспоминания).

Свидетельство это мы приводим не только ради установления истины в прошлом. Нет. Но мы хотим, чтобы в ближайшем будущем с некоторыми казаками, хранящими до сих пор еще верность некоторым русским организациям или партиям, или вообще ставящим Русское Дело выше Казачьего Дела, — чтобы с теми казаками не повторилась история, подобная той, что произошла 1917 года с казачьими частями на фронте Великой войны, когда они хранили верность тому, чему русская армия уже перестала служить... Хранили верность не своему уже делу и опоздали со службой своему...

Прочитав приводимую ниже выдержку из воспоминаний **А. И. Гучкова** казаки (даже наши противники), вправе будут допустить мысль, что и с русской эмиграцией легко может произойти в будущем нечто подобное тому, что произошло с высшим командным составом царской армии в 1917 году и что хранящие теперь верность Миллерам и русской идее русские казаки рискуют оказаться в свое время перед пустым местом...

Вот эта выдержка («П. Н.», 27 сентября 1936 г.):

«Войдя в состав врем. правительства в качестве военного министра, я сразу же почувствовал, как аппарат военного управления — центрального военного ведомства и командования на фронте — стал быстро разлагаться. **Воля руководящих людей как-то сразу надломилась (1)...** Приведу несколько характерных эпизодов.

Передо мной, как военным министром, стояло множество задач технического характера, с которыми, я чувствовал, мне не справиться. Масса времени моего уходило на приемы и на всякие вневедомственные дела... Поэтому я решил несколько децентрализовать работу военного министерства, назначив трех помощников военного министра и предоставив им разрешать без доклада мне все текущие дела технического характера. На эти должности я назначил трех очень видных и сведущих генералов Маниковского, Новицкого и Филатьева, распределив между ними все главные военные управления.

В это время во главе инженерного управления стоял мой старый знакомый, генерал Шварц. Вскоре после назначения мною трех помощников военного министра, генерал Шварц приходит ко мне и говорит: «Знаете, А. И., ваши помощники, обсудив положение, пришли к заключению, что судьба таких промежуточных образований, как врем. правительство, непрочна и что **нужно смотреть вперед**. Поэтому, предвидя, что придут к власти социалисты, они решили, что им следует записаться в партию социалистов - революционеров». Они, очевидно, этим шагом думали купить доверие совета р. и с. депутатов и солдатских масс. Такая готовность капитулировать перед советом, даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти временного правительства.

Вот другой эпизод, происшедший в ведомстве ген. Шварца, в военно - инженерном управлении. Мы с Шварцом установили в нем порядок очередных командировок на фронт военных инженеров, засидевшихся в тыловых учреждениях, взамен тех, которые пробыли долгое время на фронте. В это время в главных управлениях уже действовали комитеты служащих. В военных управлениях еще был дух чинопочитания, а потому в первые комитеты были выбраны, главным образом, начальствующие лица. В комитете инженерного управления заседали преимущественно генералы.

Когда Шварц довел до их сведения об установленном нами порядке обмена военных инженеров, **этот комитет взбунтовался и пригрозил прекращением работы всего управления**. Ведь это не писаря бунтовали, а генералы. Я призвал их к себе и старался их убедить в возможности реформы, сказав, что жду от них, как ответственных лиц, не противодействия, а содействия. Говорил мягко и сдержанно, но все-ж намекнул, что в крайнем случае мне придется прибегнуть к другим мерам...

Другой эпизод, очень мелкий: однажды, по какому то важному делу нужно было разослать срочный циркуляр. Я набросал его текст вместе с помощником главного управления генерального штаба, и попросил его немедленно сдать его в канцелярию для переписки и рассылки. Он ответил, что сделать этого нельзя, т. к. уже пять часов и установленный **стечасовый рабочий день закончился**. Еще писаря в штабе есть, но офицеры все ушли...

Офицеры генерального штаба пользовались революционным временем в своих личных интересах. И это происходило во время войны. Тут был величайший трагизм. Я чувствовал, как **все расшатывается, все расплывается**... Если-бы этого не было, Россия дала бы отпор большевикам.

А вот что происходило на фронте:

В первые дни революции явились ко мне два офицера с Западного фронта и с возмущением рассказывали о том, что только что им пришлось видеть в Минске, где помещался штаб командующего фронтом, ген. Эверта.

В Минске шел солдатский митинг в каком - то большом правительственном здании, зал которого был украшен гербом Российской империи. На митинге председательствовал сам Эверт, открывший его речью. Он говорил, что **всегда был другом народа и сторонником революции**, и всячески осуждал царский режим. А когда возбужденная толпа сорвала имперский герб и стала топтать его ногами и рубить шашками, Эверт на виду у всех аплодировал этому безобразию.

Те же картины можно было видеть и на других фронтах. Так-же вел себя ген. Бруслов в Бердичеве, где его застала смена власти. Он сразу стал говорить солдатам **демагогические речи**, а когда по улицам города дефилировала большая революционная демонстрация, то командующего фронтом толпа несла на носилках под красным балдахином с развевающимися вокруг красными флагами. И это происходило в самом начале революции, когда значительная часть армии еще не разложилась. А на ее верхах уже началось гниение...

Эверт и Бруслов все-таки подчинялись временному правительству, а вот командир Балтийского флота, адмирал Максимов, уже прямо стал на сторону бунтовавших матросов. Мы с адмиралом Кедровым, который стоял во главе морского ведомства, не решились его уволить, ибо опасались, что в таком случае он приведет в Петербург эскадру для борьбы с временным правительством, и тогда появление ее на Неве, при отсутствии достаточного количества надежных войск, могло бы кончиться так, как это случилось через полгода, при большевистском перевороте. Я припоминаю общий вывод, сделанный генералом Корниловым после всех попыток прибрать к рукам петербургский гарнизон. Покидая свой пост, он мне говорил, что **во всех воинских частях, в которых быстро шло разложение, виноват, главным образом, командный состав, потакавший солдатской анар-**

1) Подчеркнуто. везде нами. Ред.

хив. И это было не столько проявлением слабости, сколько революционного карьеризма.

Приведу характеристики высших военных кругов еще один эпизод. После истории с приказом ном. 1, я не сомневался, что со стороны совета р. и с. депутатов будут предъявляться дальнейшие требования о так называемой демократизации армии. Предвидя это, я решил образовать постоянный коллегиальный орган при военном министерстве для предварительного рассмотрения предложений совета по военному ведомству. Я надеялся, что такая комиссия, состоящая из военных специалистов, даст мне материал для мотивированного отклонения требований совета, а, кроме того, выигрывая этим время для принятия тех или иных мер противодействия. После того, как комиссия под председательством ген. Поливанова, собранная мной для рассмотрения приказа ном. 2, представила мне свое заключение, я ее преобразовал, сделал ее постоянным органом и расширив ее состав до 40-50 человек. В нее вошли представители начальников главных военных управлений и командующих армиями по их назначению. Все это были генералы и полковники, и заседали они под председательством бывшего товарища министра царских времен ген. Поливанова. Так она и называлась «поливановская комиссия». Казалось, что такой состав гарантировал ее от избытка революционных течений. А на самом деле вышло вот что:

В конце апреля я получил из совета р. и с. депутатов документ, озаглавленный «Декларация прав солдата», с предложением разослать ее в приказе по армии. К нему была приложена резолюция солдатского фронтового съезда, его одобрявшего, очевидно, с целью показать мне, что фактически эта «декларация» в армии уже известна. В декларации говорилось о том, что вне службы упраздняется всякое подчинение солдат своим офицерам, отменялось отдание чести и т. д. Словом, в известных отношениях «декларация» шла дальше приказа ном. 1.

Прочтя этот документ, я, конечно, признал его абсолютно неприемлемым. Вызываю генерала Поливанова и говорю: «Вот декларация прав солдата. Прошу не торопиться с ее рассмотрением». О существовании ее мы даже не говорили, настолько мне было ясно, что для комиссии, состоявшей из военных, она будет еще более неприемлемой, чем для меня.

Однако, через короткий промежуток времени приходит ко мне Поливанов и как-то сконфуженно говорит, что под давлением разных общественных кругов пришлось поставить вопрос на обсуждение комиссии, которая одобрила декларацию прав солдата.

— Как — говорю, — одобрила, без поправок?

— Да, без поправок и единогласно.

Я был в полном недоумении от такого оборота дела и решил противиться во что бы то ни стало. Я послал документ для отзыва всем командующим фронтами и почти от всех получил ответ о его неприемлемости. Это послужило мне поводом для пересмотра дела в комиссии.

Вызываю Поливанова, передаю ему отзывы командующих и говорю: «Если вам не удастся добиться отрицательного голосования в комиссии, добейтесь хотя-бы того, чтобы в ней было образовано меньшинство, голосовавшее против, с которым бы я мог согласиться. А то в какое вы меня ставите положение? Я, штатский человек, поставленный революцией во главе военного ведомства, должен охранять воинскую дисциплину, имея против себя военных, слуг старого режима. Как это будет использовано крайними революционерами! Так, прошу вас, добейтесь меньшинства. Нужно, чтобы хоть один или два человека имели гражданское мужество».

Через два-три дня Поливанов снова докладывает мне, что «декларация» опять была принята единогласно...

Я любил Поливанова, находил, что он — очень умный человек и знающий свое военное дело. В свое время он много пользы принес русской армии. Но оказалось, что у него не хватает гражданского мужества и

чувства долга. Увидев, что он совершенно не пригоден на роль председателя комиссии, я вынужден был сказать ему, что я его устранию от этой должности и заменяю другим лицом. Выбор мой остановился на помощнике военного министра, управлявшем главным штабом, генерале Новицком, которого я знал с лучшей стороны, как очень образованного военного специалиста. Призываю его и говорю, что назначаю его председателем комиссии. «А как эта комиссия будет называться?», — спросил он меня.

Как я упомянул выше, она раньше называлась поливановской комиссией. Теперь, конечно, она так называться не могла. Повидимому Новицкому хотелось, чтобы она называлась «комиссией Новицкого». Поливанов своей уступчивостью уже стал популярен в левых кругах. К такой же популярности стремился и Новицкий. Многие военные в это время мечтали стать Бонапартами. Я знал, что Новицкий — либеральный генерал, но тут увидел, что он просто был карьеристом и ставил ставку на победу совета р. и с. депутатов над временным правительством.

Новицкому я дал те же инструкции, что и Поливанову, но результат был тот же: через несколько дней он сообщил мне, что комиссия снова единогласно одобрила «декларацию прав солдата».

Меня это взорвало. Я заявил, что моей подписи на этом документе не будет, и решил было уволить Новицкого, но передумал, т. к. в это время я сам уже решил уходить.

Прошло несколько дней. Сиджу я как-то в своем кабинете и подписываю бумаги. Входит мой секретарь Шильдер и докладывает, что пришли члены совета р. и с. депутатов объясняться со мной по поводу «декларации». Я всегда был с ними сух, а этот ночной визит меня возмутил. Говорю Шильдеру: «Передайте им, что я их не приму». Шильдер вышел, но тотчас-же вернулся и сказал, что они объявили, что не уйдут и будут сидеть, пока я их не приму. Тогда, окончательно всплывши, я говорю: «Ладно, зовите их».

Вошли двое, один — прапорщик, другой инженер-механик флота.

— Вот, г. министр, мы пришли к вам справиться, — когда, наконец, вы утвердите декларацию прав солдата?

— Никогда!

— Но позвольте, декларация три раза проходила через комиссию и одобрена единогласно. Там уже, кажется, сидят компетентные люди. Как же вы не утверждаете?

— Я вам заявляю, что я этого документа утверждать не буду. Пусть засохнет моя рука, но она не даст под ним подписи.

— Очень жаль, — заявили они уже в повышенном тоне, — но имейте в виду, г. министр, что в крайнем случае можно обойтись и без вашей подписи. Вспомните историю приказа ном. 1, который был подписан одним Чхеидзе. Если вы не подпишете декларации, она попадет на фронт за подписью одних представителей совета. В результате, начнется борьба на фронте между командным составом и солдатскими массами.

— Все равно, моей подписи вы не получите, — сказал я твердо.

— Посмотрим, — ответили они вызывающе, и ушли.

Через несколько дней я подал в отставку, и военным министром стал Керенский, окруживший себя молодыми полковниками генерального штаба, «младотурками», как их называли, делавшими карьеру на революционной демагогии. Они сейчас же доложили ему об этом документе, и Керенский его подписал. Его за это я не могу винить. Его положение было хуже моего, т. к. он был более связан с революцией. Ему труднее было идти против мнения военных специалистов, потакавших революции из карьерных целей. Спротивление им было бы для него актом политического самоубийства. Не Керенский возмутил меня, а эти военные старого режима, игравшие с революцией в поддавки из желания выслужиться перед новыми хозяевами...

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. A. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)